

На правах рукописи

Майоров Анатолий Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХНЕОКСКОГО
(ВЕРХОВСКОГО) РЕГИОНА С VIII ДО СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Брянск – 2022

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор
Шинаков Евгений Александрович

Официальные оппоненты:

Аверьянов Константин Александрович
доктор исторических наук. ФГБУН
Института российской истории Российской
академии наук (ИРИ РАН), ведущий
научный сотрудник

Енуков Владимир Васильевич, доктор
исторических наук, доцент. ФГБОУ ВО
«Курский государственный университет»:
кафедра истории России, доцент; НИИ
археологии юго-востока Руси, директор.

Петров Алексей Владимирович, доктор
исторических наук, доцент. Религиозная
организация - духовная образовательная
организация высшего образования «Санкт-
Петербургская Духовная Академия Русской
Православной Церкви», кафедра церковной
истории, профессор

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет»

Защита диссертации состоится «23» сентября 2022 г. в _ часов на заседании диссертационного совета 99.2.048.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» и ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, ауд. №,

С диссертацией и текстом автореферата можно ознакомиться в Научной библиотеки ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» и на сайте <http://istsovet-brgu.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.В. Сагимбаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Российской государство является венцом протяжённого во времени и сложного по внутренней структуре эволюционного процесса, одним из значимых элементов которого было объединение территорий, до момента вхождения в состав России существовавших весьма длительное время (самостоятельно либо в качестве составных частей) в разнородных климатических, ландшафтных, политических, этнокультурных зонах и ареалах. Без понимания специфики подобных территорий, ставших впоследствии составными частями единой государственной системы, но длительное время имевших собственную политическую, экономическую и культурную «траекторию», а также без изучения особенных черт хода их исторического развития, рассмотрение целостной и объективной истории Отечества в её многообразии и комплексности не представляется возможным.

В диссертационном исследовании «Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI вв.» сформулирована и обосновывается гипотеза о существовании на протяжении нескольких столетий на территории, включающей в себя преимущественно Верхнеокский речной бассейн (от истока р.Оки до устья р.Москва) и прилегающие к нему части бассейнов верхнего Дона и р.Десны, особого исторического региона, который в течение длительного периода времени выступал в качестве выраженного территориального исторического феномена, что сопровождалось наличием динамичного комплекса политико-экономических, этносоциальных и историко-географических особенностей, являвшихся базовой основой для возникновения и функционирования ряда последовательно сменявших друг друга территориальных образований. Эти образования были связаны между собой отношениями преемственности разного рода: первоначально самостоятельное вятичское этнополитическое объединение в течение длительного периода и относительно плавно приобрело статус внутренне автономных волостей древнего Черниговского княжества, а позднее они преобразовались в суверенные Верховские княжества, в начале XVI в. присоединённые и быстро ассимилированные Русским централизованным государством. Существование всех этих структур, последовательно выступавших в качестве преемника своего предшественника и дальнейшей основы для возникновения последующей формы, сопровождалось взаимодействием с окружающими их соседями, обычно ощутимо превосходившими их в экономическом, военном и политическом аспектах.

Степень разработанности проблемы. Специальных исторических исследований, посвящённых изложению истории земель в бассейне верхнего течения Оки на протяжении периода, рассматриваемого в данной работе, не существует, хотя имеются публикации, исследовавшие отдельные периоды истории этой территории, связи между которыми до настоящего времени специально не изучались. Будучи одним из летописных восточнославянских «племен», вятичи фигурировали в трудах М.В. Ломоносова, В.Н.

Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского, А.Л. Погодина, П.В. Голубовского, Н.П. Барсова, О.М. Середонина, В.О. Ключевского, М.К. Любавского и ряда других исследователей. Исследователи, вслед за летописями, обращались к проблематике выявления места первоначального расселения вятичей, определению границ их территорий, ряду иных событий. В своем подавляющем большинстве, историки шли путём пересказа летописного повествования об ужасах вятичского язычества и невольно разделяли негативные оценки монахов-летописцев. Именно в этот период были собраны и систематизированы наиболее значимые письменные источники по вятичской истории.

Н.М. Карамзин был первым отечественным историком, выделившим вопрос о специфике Верхнеокского (Верховского) региона на фоне общей истории России. В «Истории государства Российского» он положил начало вводу в историческую литературу фактического материала о политической деятельности князей верхнеокских княжеств, о московско-литовских отношениях XV в., о военных столкновениях этих двух соседних государств и об участии в них местных правителей. Используя доступные ему источники, отразил в «Истории государства Российского» фактический материал о начале перехода указанных территорий под протекторат великого князя Витовта и Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XV в. В своём сочинении Н.М.Карамзин употребил термин «древняя земля вятичей», а расположенные на ней города он назвал «вятичскими».

Первым сумел обозначить пределы территорий, подконтрольных вятичам (на основе информации о соперничестве и борьбе князей Древней Руси) Н.П. Барсов, который предположил, что земли, контролируемые вятичами, простирались внутри пространства, ограниченного линией водораздела Оки и Десны на западе, бассейном р.Сосна и верховьями р.Дон (на юго-востоке), притоком Оки р.Осетр (на востоке). Локализацию территории вятичей Н.П. Барсов произвел, по всей видимости, на основании изучения поздних древнерусских источников. Эти географические ориентиры впоследствии утвердились в работах других исследователей. В частности, П.В. Голубовский, при описании территорий, соседствовавших с вятичскими землями, делал ссылки на исследования Н.П. Барсова и выражал согласие с его аргументацией. Эти выводы в целом были приняты А.А. Шахматовым и М.К. Любавским, которые трактовали вопрос пределов несколько иначе: они проводили южные границы территорий вятичей по среднему течению р.Днепр и водоразделу рр.Ока и Сейм соответственно.

М.К. Любавский первым из профессиональных историков уделил отдельное внимание проблематике Верховских княжеств, внедрил в научный лексикон термин «Верховские княжества», систематизировал и описал основную историческую канву процессов, протекавших внутри них. М.К. Любавский был, пожалуй, единственным серьёзным историком, изучавшим и рассматривавшим вятичский и верховской периоды верхнеокской истории как взаимосвязанные явления. Им были введены в исторический оборот западные источники по данной теме, обозначены основные хронологические этапы и даты наиболее важных событий истории княжеств.

Особое значение для изучения древнейших бесписьменных и малоисточниковых периодов существования региона, имело развитие научной археологии с середины XIX в. Рубеж XIX – XX вв. (взятый широко) можно охарактеризовать как время отработки методологии археологических исследований, создания базовой профессиональной основы данной отрасли научного знания. Среди исследователей этого периода, затронувших рассматриваемую проблематику, необходимо упомянуть Н.И.Булычова, И.Е.Евсеева, В.А.Городцова, В.И.Лабунского и ряд других. А.А.Спицын, в ходе решения проблемы конкретизации процесса расселения восточнославянских племён на Восточно-Европейской равнине, на основе изучения курганных древностей восточных славян XI-XIII вв., пришёл к выводу о возможности воссоздания реальной картины расселения древнерусских «племён» (нарисованной Нестором) путём сопоставления данных археологии с письменными свидетельствами и отнёс появление курганного обряда у вятичей к концу XI в.

Рассмотрение исторических событий «древнерусского» периода на территории Верхней Оки обычно осуществлялось исследователями вне связи либо без отделения от предшествующего вятичского и более раннего «дославянского» времени. Принятие в качестве аксиомы утверждения летописца о дикости невоцерковленных вятичей автоматически переводило эту этнополитическую группировку в разряд «варварских» не только в религиозном, но и в культурном отношении, делало её «неинтересной» для углублённого изучения, что усугублялось малым количеством сохранившихся письменных источников (и до настоящего времени весьма ограниченным). Крайне лапидарно рассматривалась история верховских земель в составе Черниговского княжества, чему способствовала скудость источников и сосредоточение на истории владимирских Мономашичей.

В 1830-е годы Н.Г.Устряловым была обозначена проблема особого статуса новосильских князей. Историк определял роль Великого княжества Литовского в российской истории как имеющую не меньшее значение, чем роль Московского царства, а само Литовское государство описал в виде добровольно призванного русским народом средства освобождения от ордынского господства. С.М.Соловьев указывал на особый статус князей Новосильского дома в системе отношений Москвы и Литвы, прописал событийную часть эпопеи присоединения верховских земель к Московскому государству. Им, помимо летописных источников, были вовлечены в исторический оборот ряд эпистолярных памятников и договоров («докончаний») о службе и протекторате между новосильскими князьями и великими князьями Литовскими. Он первым обратил внимание на отсутствие чёткой московско-литовской границы в районе Верхней Оки в XIV-XV вв., отметил факты службы верховских князей одновременно Москве и Литве – «на обе стороны, съ-обща». Исследователь первым использовал тексты договоров польского короля с верховскими князьями середины XV в. как типичные примеры службы «на обе стороны».

Д.И.Иловайским был акцентирован вопрос зависимости Новосильского княжества от Литвы, а также упомянута попытка Рязанского княжества стать третьим значимым центром

силы на русских землях. Работа Р.В.Зотова «О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время», помимо важной генеалогической информации, дала значительный объем сведений, характеризующих отношения внутри комплекса удельных княжеств – наследников Великого княжества Черниговского, а также обратила внимание на моменты внутривидовых взаимоотношений князей черниговского дома. Положение верховских князей в XIV-XV вв. кратко охарактеризовал Ф.И.Леонтович, который отмечал, что в земле древних вятичей, по верховьям Оки с её притоками, располагались «...изстаринные уделы русских князей Черниговского дома, под именем князей верховских, владевших своими родовыми отчинами... В каждой из этих групп княжеских владений сидел свой местный род... с сохранением однако старого родового их единства».

Большой объем фактического материала о правителях верховских княжеств содержит работа польского исследователя графа К.Ф.Ожаровского «*Kniaziowe litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*», изданная им под псевдонимом «Й.Вольфф». Публикация представляет собой расширенное историко-генеалогическое исследование о литовско-русских князьях, правивших с конца XIV века. В ней подробно проанализированы доступные на тот момент польские, литовские документы и русские родословные источники, на основании чего удалось иллюстрировать специфику взаимодействия верховских князей с Великим княжеством Литовским в конце XIV – первой трети XV вв., прояснить ряд вопросов их родственных связей и статуса, а также осветить тему различных пожалований им со стороны великих князей литовских и рассмотреть обширный спектр взаимоотношений верховских князей внутри Великого княжества Литовского как с верховной властью, так и с рядом иных политических субъектов.

Положение русских княжеств верхнего течения Оки описал В.О.Ключевский в своём «Курсе русской истории», несмотря на фактически «лекционный» его характер, имевшем большое влияние на русскую историческую науку. В своём сочинении он выделил небольшой раздел «Верхнеокские князья». Давая характеристику политическим порядкам в верхнеокских княжествах, он определил их как продолжение обычаев Киевской Руси и образец неизменности старых принципов и обычаев наследования княжеского стола.

На протяжении XX в. тема Верховских княжеств неоднократно затрагивалась в исследованиях польских историков, среди которых можно отметить работы А.Прохаски, Я.Натансона-Лески и ряда других. Отдельно следует упомянуть вышедшую в 1936 г. в Варшаве масштабную монографию ставшего впоследствии известным Стефана М. Кучинского «*Земли Чернигово-Северские под властью Литвы*», затрагивавшую проблематику верхнеокской истории со второй половины XIV в. по начало XVI в. Исследователь указал на специфику истории рассматриваемой территории, упомянул о проживавших на этих землях северах, радимичах и вятичах, перечислил практически все известные к тому времени письменные сведения о древнерусском периоде существования региона, выделил и отметил как отдельную категорию «*kniaziów... wierchowskich*», а

«księstwa wierchowskie» выделил в качестве отдельной (третьей) группы административных формирований Чернигово-Северских земель, ввёл новый термин «Wierchowszczyzna»/«Верховщина». Автор смог обозначить границы владений местных князей (составленная им политико-административная карта в значительной части не потеряла актуальности), весьма подробно разобрал ряд дискуссионных вопросов их генеалогии, упомянул ряд особенностей исторического пути Верховских княжеств и Верхнеокского региона в целом, воздействие «татарского фактора», на специфику статуса княжеств (территорий) и взаимоотношения с Великими княжествами Литовским и Московским, а также их правителями. С.Кучинский разработал собственную периодизацию региональной истории, опираясь на комплексный анализ военно-политического развития территории.

В советский период развития отечественной исторической науки появилось значительное количество фундаментальных работ, посвящённых славянской и древнерусской истории. В то время активно работали многие признанные специалисты в этой сфере, среди которых особо следует упомянуть Б.А.Рыбакова. Исследователь стремился возвеличить прошлое нашей страны, что в настоящее время выглядит несколько чрезмерным. В частности, в монографии «Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков» (1982 г.) он отнёс начало истории славян к XV в. до нашей эры, что делает, по меньшей мере, спорным имеющееся в работе обширное изложение структуры гипотетической вятичской государственности и культуры. Верховская же проблематика лишь иногда присутствовала в исследованиях по истории внешней политики России. В монографии К.В.Базилевича о внешней политике Русского централизованного государства во 2-й половине XV в. отмечены детали предшествующего этому периоду перехода верховских князей «под руку» великого князя литовского Витовта (с указанием на возможное великокняжеское достоинство новосильских князей), специфики восприятия литовской власти на Верхней Оке в связи со «стоянием на Угре» и заключением нового докончания в 1483 г. Автор весьма подробно рассмотрел обстоятельства вхождения территории бассейна верхней Оки в состав единого российского государства в конце XV – начале XVI в., особенности военно-политической активности и дипломатического взаимодействия сторон конфликта.

В число приоритетов крупных советских историков редко входила детализация исторических процессов отдельных (зачастую небольших и периферийных) местностей и регионов. В качестве исключения следует упомянуть работу М.Н.Тихомирова «Россия в XVI столетии», в которой автор, на основании имевшихся письменных источников, постарался дать максимально полные характеристики различных регионов Русского централизованного государства XVI в. К анализируемому периоду Верхнеокский регион как относительно целостная структура фактически уже исчез, но ряд черт, особенностей и деталей, отмеченных автором для территорий, ранее в его состав входивших, до настоящего времени являются весьма значимыми. Относительная бедность источниковой базы и

отсутствие так называемого «социального заказа» привели к тому, что до начала 1990-х гг. не появилось какого-либо комплексного исторического исследования, посвящённого истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона в целом.

Попытки археологических исследований территорий, населённых вятичами, предпринимались с конца XIX в. Подлинно научный характер – методологически обоснованный и систематический – археология приобрела только в XX в. Из учёных археологов больше других для научного изучения верхнеокских земель сделал известный специалист по славяно-русским древностям и первооткрыватель новгородских берестяных грамот А.В.Арциховский. В 1926 г. он опубликовал свою работу «Курганы вятичей», где ввёл в научный оборот описание и систематизацию значительного количества инвентаря, обнаруженного в результате раскопок вятичских курганов, осуществил его датировку, выделил характеризующие этнические признаки. Исследователь указал на наличие преемственности между различными видами захоронений (кремацией и ингумацией), определил географические границы распространения вятичских погребений и связал их с территорией проживания. Стоит заметить, что представления А.В.Арциховского о зоне расселения вятичей практически полностью совпали с опубликованным ранее мнением Н.П.Барсова. Свой вклад в изучение истории древних вятичей внесли исследования П.Н.Третьякова, который выявил в бассейне Верхней Оки и вятичские и довятичские (мошинские) поселения.

В 1960-е – 1980-е гг. вятичской проблематикой занималась Верхнеокская экспедиция Института археологии АН СССР, которой, помимо прочего, были обнаружены и обследованы железоплавильные печи и литейные формы с кириллическими надписями для изготовления полых украшений, мастерские по изготовлению стеклянных браслетов и колец. Специалистами Института археологии был собран богатый материал: хозяйственные изделия из железа, украшения из бронзы, меди и серебра, предметы вооружения. Исследователи получили подтверждение существования широких торговых связей раскопанного города с новгородскими, киевскими, поволжскими, волынскими землями. Опубликованная по материалам экспедиции монография Т.Н.Никольской стала важным рубежом в изучении истории Верхнеокского региона и, по сути, положила начало череде публикаций результатов исследований верхнеокской территории (в том числе и периода существования Верховских княжеств) профессиональными археологами. Т.Н.Никольской был выпущен ряд работ, принципиально важных для понимания особенностей организации жизни, быта и культуры местного населения. К числу дискуссионных вопросов в работе Т.Н.Никольской следует отнести, прежде всего, «неразделённость» самостоятельного и «черниговского» периодов существования самобытной вятичской культуры. К достижениям вятичей ей, по умолчанию, отнесены явные экономические и культурные последствия административного подчинения верхнеокских земель Черниговскому княжеству. Впрочем, это можно полагать следствием опоры преимущественно на археологические методы исторической реконструкции.

Новый этап интереса к политической истории верховских земель был обозначен выходом в 1993 г. сравнительно небольшой работы А.В.Шекова «Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.)», в которой был дан краткий обзор политической истории данной территории с древнейших времён до XVI в., был весьма тщательно проработан вопрос истории Волконского удельного княжества и подробностей генеалогии его владетелей. Данная работа до сих пор не потеряла своего значения ввиду наличия обширного библиографического списка.

Работа А.Дворниченко «Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.)» продемонстрировала возвращение, после долгого забвения, к теме включения и развития русских земель в качестве составных частей Великого княжества Литовского. Тематика политической и экономической истории конкретно верховских земель была затронута незначительно – вследствие отсутствия достаточного количества необходимых письменных источников, тем не менее, данное исследование внесло значительный вклад в понимание внутривосточной и административной истории русских земель, находившихся в составе Литовского государства.

Изучение политической истории верхнеокских земель было продолжено М.М.Кромом, опубликовавшим в 1995 г. монографию «Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.». Данное исследование получило премию Европейской академии. В 2010 г. М.М.Кром опубликовал второе издание своей монографии. М.М.Кром не выделял Верховские княжества для отдельного рассмотрения, его задачей был анализ истории вхождения в состав России, наряду с княжествами Верхней Оки, также Брянска, Смоленска и иных территорий, которые на рубеже XV-XVI вв. располагались в русско-литовской контактной зоне, а также выяснение и конкретизация позиций различных слоёв местного населения при выборе политической ориентации – на Запад или на Восток (между Москвой и Вильно, Русью или Литвой). Административные центры Верховских земель названы «верховскими княжескими городками». Эта работа хронологически ограничена периодом с конца XV в. до завершения первой трети XVI в. Достоинством характеризуемого труда является большое количество архивных источников, часть из которых была впервые введена в научный оборот. Он весьма важен при рассмотрении финального этапа истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона, но является территориально слишком широким, а хронологически и тематически, напротив, слишком узким, чтобы служить в качестве полноценного исследования по верхнеокской истории.

Полученные к настоящему времени результаты археологических исследований, посвящённых истории вятичей, создают хорошую базу для дальнейшего изучения региона. В числе опубликованных работ учёных-археологов необходимо назвать исследования А.В.Григорьева, изучавшего территории, имевшие отношение к роменско-боршевской археологической культуре и северскому этнополитическому объединению – его труды

являются важным источником фактической информации по историческим процессам, развивавшимся на верхнеокской и непосредственно прилегающих к ней территориям. Большой объём конкретных археологических данных, их профессиональный анализ как составная часть изысканий в сфере истории материальной культуры Верхнеокского региона являются неотъемлемой чертой работ О.Л.Прошкина и делает их использование обязательным для любого исследователя этой территории. Нельзя не упомянуть многочисленные и подробные результаты исследовательской деятельности Тульской экспедиции Института Археологии РАН и музея-заповедника «Куликово поле». Важными и значимыми являются работы Е.А.Шинакова, затрагивающие широкую проблематику древнерусского политогенеза применительно к ближайшим соседям древнейшей русской оолокиевской области – северам, радимичам и вятичам. Помимо того, обязательными для использования являются результаты его многолетних археологических исследований деснинского региона, а также работы, посвящённые славянской колонизации, этнокультурным связям, общим и частным вопросам этно-, социо- и политогенеза восточных славян, их взаимодействию с иными этнокультурными общностями и ряду иных важных аспектов. Исследования археологов являются чрезвычайно важными, но, в силу своей специфики, позволяют характеризовать социальные, экономические и культурные особенности верхнеокских земель преимущественно в общих чертах.

Вопросы истории земель Верховского (Верхнеокского) региона с момента их заселения славянами и до времени их вхождения в состав российского централизованного государства всего несколько раз разрабатывались учёными в ходе подготовки кандидатских диссертаций. Главным достоинством диссертаций А.В.Ковылова и Д.Н.Александрова стало привлечение внимания к тематике и предмету их изучения. Д.Н.Александров отметил особенности политического развития затрагивавших территорию региона государств в XIII-XIV вв., причём Верховские княжества были лишь одним из нескольких объектов интереса автора. А.В.Ковылов, в свою очередь, предметом исследования избрал одно Новосильское княжество, на примере которого дал характеристику всего региона. В 1998 г. к защите была представлена кандидатская диссертация А.В.Шекова, имевшая в своей основе прежние изыскания автора в сочетании с большим объёмом собранного им археологического материала.

На фоне существующего очевидного интереса к истории верховских земель, обозначенного вторым изданием монографии М.М. Крома, в 2010 г. появилась новая работа А.В. Шекова о Верховских княжествах, в которой были изложены результаты длительных исследований данной проблематики. Труд посвящён истории Верховских княжеств с середины XIII в. до середины XVI в.: указывается, что являясь наследниками Черниговского княжества, эти государственные образования сыграли значительную роль в истории Руси XIV-XV вв., а затем были в числе последних удельных владений Московского государства XVI в. Работа написана на основе исторических и археологических источников. Большое место уделено вопросам исторической географии отдельных Верховских княжеств,

особенно – Новосильского и Тарусского. Автор активно использует точки зрения своих предшественников, многократно обращается к их сочинениям. А.В.Шеков рассматривает историю Верховских княжеств как вариант финального развития крупного государственного образования, сложившегося в древнерусское время, а именно – Черниговского княжества. Исследователь подчеркивает, что верховские княжества оформились на основе феодальных владений черниговских князей домонгольской эпохи, в чём А.В.Шеков видит основную причину столь долгого владения потомками черниговских князей значительными территориями в Верхнем Поочье. В развитие и углубление рассматриваемой темы А.В.Шековым в 2018 г. выпущен труд под название «Политическая история и география Верховских княжеств», заявленная как работа, продолжающая рассмотрение заявленной ранее тематики. Как указано в предисловии, «в настоящем издании автор исправил замеченные опечатки, неточности и ошибки... Все разделы дополнены новыми материалами». Фактически монография представляет собой новое, расширенное, дополненное и исправленное издание предыдущей монографии.

Работы А.В.Шекова имеют целый ряд несомненных достоинств: в них преобладают археологические методы исследования, широко используется анализ археологических источников, большое внимание уделяется детальному описанию археологических находок. Рассмотрение политических вопросов истории Верховских княжеств занимает менее половины авторского текста. Эти исследования являются хорошей отправной базой для продолжения проработки истории возникновения, развития и вхождения Верховских княжеств в состав Российского государства. Хронологически они ограничены серединой XIII в., практически не рассматривая наличие связей (пусть даже и не прямых) с предшествующими историческими периодами. Кроме того, традиционное восприятие в качестве одной из важнейших целей существования постдревнерусских княжеств борьбы за освобождение от ордынского ига, не позволило автору оценить первостепенную значимость золотоордынских правового, политического и оборонного пространств, а также присущих им практик, в формировании собственно Верховских княжеств.. Золотая Орда и сформированная в результате её функционирования цивилизация (во всех его аспектах) описывается исследователем исключительно как внешний – чуждый и агрессивный – фактор для русских и литовских политических, военных, экономических, социальных и культурных процессов, несмотря на их тесную и органическую внутреннюю связь, непрерывно эволюционировавшую и модифицировавшуюся со второй половины XIII в.

Объектом настоящего исследования являются исторические процессы, протекавшие в VIII-XVI вв. на территории, ограниченной бассейном верхнего течения реки Ока и прилегающими к нему землями, которые рассматриваются в совокупности различных аспектов их исторического, экономического и политического течения. Данную территорию автор работы полагает обоснованным именовать на основе уже сложившейся традиции, применяя двойное наименование – Верхнеокский (Верховской) исторический регион.

Предметом исследования выступает процесс возникновения и развития Верхнеокского (Верховского) исторического региона как особой территориальной структуры, возникшей и существовавшей в зоне соприкосновения политических и экономических интересов ряда сопредельных государственных формирований разных эпох, что обусловило выработку специфических черт её развития в условиях длительной геополитической конкуренции за контроль над этими землями: Древней Руси и Хазарии (позднее - Волжской Булгарии), древнерусских княжеств между собой и против набегов кочевников, Московского княжества, Литвы и наследовавших Орде «татарских» государств в XIV-XVI вв. Итоговое вхождение Верхнеокского (Верховского) исторического региона в состав Российского государства является закономерным результатом его эволюции и, соответственно, также относится к понятию предмета исследования.

Источниковая база исследования хронологически прерывиста и разнородна, что обусловлено, в первую очередь, информационной бедностью сохранившихся письменных памятников. В работе использованы данные около двухсот отдельных письменных документов, не являвшихся составной частью продолжающихся записей (летописей, хроник, разрядных книг и т.д.). Большая часть этих письменных источников ранее не применялась при осуществлении исследовательских работ, имеющих отношение к верхнеокской истории. Автор был вынужден вести скрупулёзный сбор и комплексное изучение большого числа письменных материалов, имеющих преимущественно косвенное отношение к социально-политической истории рассматриваемого региона (Земли вятичей, северо-восточных волостей Черниговского княжества, Верховских княжеств XIII-XV вв. и их владетелей), а также соседствующих с ним территорий в части, касающейся темы исследования.

Значительная часть анализируемого информационного массива сформирована благодаря широкому обращению к русским летописям, а также западноевропейским и восточным хроникам. Преобладающую долю в объёме таких источников занимают *русские летописи*. Дошедшие до нашего времени описания событий и фактов верхнеокской истории сохранились в общерусских летописных сводах, полностью изданных в широко известной многотомной публикации «Полное собрание русских летописей». Вследствие утраты несомненно существовавшего собственного черниговского (впоследствии брянского и, возможно, иного территориального) летописания, в них имеется значительное количество информационных лакун: представление о событиях верхнеокской истории IX-XVI вв., на основе письменных источников, можно составить лишь с привлечением памятников, посвящённых соседним территориально-географическим локациям. Полезными для построения последовательного повествования об истории Верхнеокского региона стали более 30 летописей (точное число не указывается вследствие нахождения ряда летописей в составе нескольких томов, а также содержательного и смыслового дублирования сообщений ряда использованных, но не упомянутых летописей, необходимых для их уточнения и верификации): Лаврентьевская, Ипатьевская, Воскресенская, Новгородская первая летопись

старшего и младшего изводов, Новгородская четвёртая летопись, Софийская первая летопись, Софийская первая летопись старшего извода, Софийская вторая летопись, Воскресенская, Никоновская (Патриаршья), Тверская, Рогожский летописец, Супрасльский список, Симеоновская летопись, История о Казанском царстве (Казанский летописец), Русский хронограф, Ермолинская летопись, Типографская, Московский летописный свод, Летописец начала царства, Вологодско-Пермская летопись, Никаноровский летописец, Новгородская вторая (Архивская) летопись, Хроника Литовская и Жмойтская, летопись по списку Рачинского, Никифоровская, Супрасльская летопись, Хроника Быховца, Пискаревский летописец, Постниковский летописец, Московский летописец, летописец Переславля Суздальского (летописец русских царей), Варшавский летописный сборник и др.¹

Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летописи особо значимы для характеристики наиболее ранних периодов истории рассматриваемого региона. Относительно более позднего времени следует отметить, что сохранилась и была использована, прежде всего, та информация, которая восходит, в основном, к московским сводам 1408 г., 1479 г. и первой половины XVI в. Больше, по сравнению с другими, количество сведений о событиях, имевших место в Верхнеокском регионе, содержится в Рогожском летописце и относится к московскому списку 1408 г. Московский летописный свод 1479 г. включил в себя ряд документов, освещающих отдельные вопросы истории Верховского исторического региона. Ряд событий, относящихся к истории верховских земель, упоминаются в Никоновской летописи. Ответы на вопросы, относящиеся к верхнеокской тематике, отобразила Воскресенская летопись XVI в., в силу своего происхождения и немалого объёма подробно обрисовывавшая темы, связанные с общерусской проблематикой XIII-XV вв.² Более подробное перечисление содержательной части прочих летописей явно непродуктивно.

Следующей категорией использованных письменных источников, в особенности при рассмотрении ранних этапов региональной истории, стали европейские хроники и анналы. Среди тех хроник, чья информация оказалась весьма полезной, следует указать Фульдские анналы (*Annales fuldenses*), «Богемскую Хронику» Козьмы Пражского (*Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag*), «Хронику» Титмара Мерзебургского, «Хронику и деяния» Галла Анонима, иные работы западных хронистов, дающие описание ситуации в Центральной Европе времён становления вятичского этнополитического объединения VIII-

¹ Полное собрание русских летописей. ТТ. 1-3, 6-15, 17-19, 22-30, 32, 34,35, 41, XLV и др.

² ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913.; ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки славянской культуры, 2000.; ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. и др.

IX вв. и позволяющие сделать анализ её значимых аспектов. Использовались также тексты исламских и китайских хроник¹.

Вторую по значению, объёму и широте отражённых вопросов группу источников представляют разного рода *актовые документы*. В силу архаического и неразвитого характера документооборота, а также преимущественно монархического характера управленческих процессов к их числу отнесены исторические документы, для позднего времени описываемые традиционно как «канцелярские»: грамоты, указы, реестры, деловая переписка. Большая часть имеющихся документов – договоры («докончания»), грамоты, завещания, официальные обращения и переписка. Систематизация сохранившегося до наших дней массива договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIV-XVI вв., начатая в 1909 г. С.В. Бахрушиным целенаправленной публикацией подборок этих источников, была продолжена введением в научный оборот договорных и духовных грамот в 1950 г., выходом в свет объёмного сборник, содержащего 105 княжеских духовных и договорных грамот 1339-1572 гг.

Первым документом, сохранившим ранние сведения о верховских князьях, является опубликованный договор великого московского князя Семена Ивановича с братьями конца 1340-х гг. Договорная грамота между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и рязанским великим князем Олегом Ивановичем сообщает о разделении между ними земель Тарусского княжества в 1381 г. Московско-рязанские договоры 1434 г. и 1447 г. повторяют ряд пунктов о верховских князьях из договора 1402 г. Соглашения между московским и литовским государствами 1449 г., 1494 г. и 1503 г. иллюстрируют процесс включения верховских княжеств в сферу влияния московского великого князя, а затем – вхождения в состав российского государства. Об особенностях положения земель, находившихся в литовском государстве, информируют договоры между новосильско-одоевскими князьями и Казимиром IV от 1442 г., 1459 г. и 1483 г. Духовные грамоты Ивана III и Ивана IV 1503 г. и 1572 г. показывают процесс ликвидации верховских княжеств в первой половине XVI в.²

¹ Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales. – Ed.G.H.Pertzii, Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891; Bretholz В. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Monumenta Germaniae Historica. Т. II/ Bretholz В. Berlin, 1923. 296 с.; Титмар Мерзебургский. ХРОНИКА. В 8 книгах. 2-е изд., исправл./ Перевод с лат. И.В.Дьяконова. М.: «Русская панорама», 2009. 256 с; Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 172 с.; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2/ Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 248 с.; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 588 с.; Золотая Орда в источниках. Том 3. Китайские и монгольские источники. Пер., ред, сост. Р.П.Храпачевский. М.: ППП "Типография "Наука", 2009. 336 с

² Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В. Бахрушина. Москва: Тип-я Вильде, 1909. 148+4 с.; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв./ Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. 594 с.

Весьма полезны опубликованные и тщательно проанализированные в 2003 г. В.А. Кучкиным пять внешнеполитических договоров московских князей XIV в.¹

Использованный в работе актовый материал в значительной части извлечён из четырёх (из пяти) томов сборника документов по истории России, Белоруссии, Литвы и Украины XIV-XVII вв., изданного в 1846-1853 гг. под названием «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»². Высокую значимость имеют сохранившиеся и реконструируемые договоры верховских князей с великим князем Литовским, характеризующие отношения верховских вассалов со своим литовским сюзереном. Интересен опубликованный там же судебник Казимира IV 1468 г.

В работе нашли применение материалы Литовской Метрики, а также переписка великих князей Литовских. Литовская Метрика имеет в своём составе отдельные переводы ярлыков крымских ханов, избранные списки с московских дипломатических документов. Часть записей Литовской Метрики была опубликована в 27 томе «Русской исторической библиотеки» в 1910 г. Здесь присутствуют сведения о положении верховских князей в Литовском государстве в XV в., об имеющихся у них территориальных владениях. Также наличествуют записи о земельных и имущественных пожалованиях литовских правителей князьям Волконским, Воротынским, Мезецким, Мосальским³.

Обязательным является упоминание ряда документов, опубликованных в Русской исторической библиотеке (и иных изданиях): отлучительной грамоты патриарха Филофея русским князьям, отказавшимся воевать против Ольгерда (1370), присяжной грамоты Фёдора Воротынского Казимиру IV на козельское наместничество, поручной грамоты Фёдора Воротынского за Ивана Можайского о готовности последнего к союзу, пожалований Казимира новосильским князьям, писем Семёна Воротынского о разрыве вассальных отношений с Казимиром (1492 г.), грамоты патриарха Филофея к великому князю Московскому (1370 г.), грамоты Ольгерда Филофею (1371 г.), переписки Витовта с магистром Тевтонского ордена, переписки Свидригайло с магистром Тевтонского ордена и ряда иных документов, использованных при написании настоящей работы⁴. Полезны и

¹Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.

²Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1-5. СПб.; 1846-1853.

³Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. XXVII. Литовская метрика. Отдел первый. Часть первая: Книги записей. Том первый. СПб.: Сенатская типография, 1910. 656 с.

⁴Русская историческая библиотека. Том шестой. Приложения. Памятники русского канонического права. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1880. Стб.135-136, 138, 140, 145-148; Русская историческая библиотека, т. XXVII. Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая: Книга записей. СПб.: Сенатская типография, 1910. Стб.52; Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. VI. Codex epistolaris Vitoldi. Magni Ducis Lithuaniae. 1376-1430. Collectus opera. Antonii Prochaska. Krakow: Czcionkam drukarni WL.L.Anczyca I sp. 1882. С.778-779; Полевых С.В. Наследники Витовта. С.403, 412-413, 504.

информативны собранные и опубликованные в работе Д.Колодзейчика ярлыки, присяжные листы и докончания Крымского ханства XV-XVIII вв.¹

Значительную помощь построению логичного повествования оказали прочие актовые материалы: посольские книги «Польского двора», сохранившие детали московско-литовско-татарских дипломатических отношений конца XV – начала XVI в. и содержащие сведения по истории Верхнеокского региона – дипломатическую переписку, описания подготовки и хода переговоров, инструкции посланникам, делегатам и сотрудникам протокольной части, ряд иных деталей и подробностей². Важным источником информации о последнем этапе самостоятельной верхнеокской истории являются Разрядные книги, которые публиковались в так называемом «Синбирском сборнике» 1845 г., а также изданные в 1966 и 1974 гг. соответственно в виде различных вариантов Разрядных книг³. Использовался ряд иных официальных документов, прямо или косвенно затрагивающих рассматриваемую тематику, публиковались в виде несериальных изданий, в числе которых наиболее ценны различные региональные грамоты, а также княжеские и монастырские уставы⁴. Не всегда прямо относящиеся к теме работы, они, тем не менее, позволили прибегнуть к методу исторической аналогии и реконструкции, опираясь на широкие типические параллели.

Следующей важной традиционной категорией письменных источников, использованных в настоящей работе (в особенности ценных для сбора информации о ранней истории региона) стали позднеантичные и раннесредневековые «землеописания» и мемуары, а также документы неопределённой направленности (к примеру, «Баварский географ») не имеющие чёткой адресации, что не позволяет их классифицировать с использованием традиционных критериев. Сюда можно отнести разнообразные восточные «описания климатов» и мемуары, зачастую построенные по такой же схеме (ибн Русте, Гардизи и др.)⁵. В этом ряду находится и знаменитая еврейско-хазарская переписка, которая

¹ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents/ Kołodziejczyk D. Leiden, Boston: Brill, 2011. 1128 p.

² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.35. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. (с 1487 по 1533 год). Под ред. Г.О.Карпова. СПб., 1882. 954 с.; СИРИО. Т.41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и Ко, 1884. 558 с.; СИРИО. Т.59. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и Ко, 1887. 708 с.; СИРИО. Т.71. СПб.: Тип-я А.Катайского и Ко, 1892. 946 с.; СИРИО. Т.95. СПб.: Печатня С.П.Яковлева, 1895. 794 с.

³ Синбирский сборник. Историческая часть. Том 1. М.: Тип-я А.Семена, 1845. 676 с.; Разрядная книга 1475-1598 гг. Текст, вводная статья и редакция В.И.Буганова. М.: Наука, 1966. 616 с.; Разрядная книга 1559-1605 гг. Сост. Л.Ф.Кузьмина. Отв. ред. В.И.Буганов. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. 436 с.

⁴ Полоцкие грамоты. XIII – начала XVI в. Том II. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке 2015. С.155 Русско-Ливонские акты. Russisch-Livlandische Urkunden. Собранные К.Е.Напьерским. Изданы Археографической комиссией. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. 466 с. Смоленские грамоты XIII-XIV веков. Под ред. Р.И.Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н.Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб.: 1857.; Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. и др.

⁵ Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И.Малеина/Плано Карпини, Иоанн де. Рубрук, Вильгельм де. СПб.: Издание А.С.Суворина,

содержательно относится, скорее, к «страноописывающим» документам, чем к частному либо государственному делопроизводству, несмотря на высокий официальный статус её сторон.

К числу нашедших применение повествовательных источников относятся использованные в работе жития и патерики, повествующие о духовных и светских лицах, имевших прямое и косвенное отношение к верхнеокской истории: Владимире Святом, Кукше Печерском, Михаиле Черниговском, Фёдоре Ярославском и ряде других. Для настоящего исследования были полезны также единичные письменные сообщения, характеризующие положение, статус и ситуации, в которых находились значимые исторические персонажи (к примеру, мценский наместник Протасьев, оказавшийся одним из «подписантов» обращения к католическому Базельскому собору 1433 г.) и ряд других¹.

Наличие хронологических лагун и фрагментарностью письменных источников стало основным побудительным мотивом для использования при реконструкции и анализе региональной истории источников неписьменных. В настоящей работе (большей частью при рассмотрении ранних этапов истории Верхнеокского региона) широко использовались результаты, полученные в ходе исследований в области специальных исторических дисциплин (исторической географии, нумизматики, генеалогии и д.т.), самостоятельных дисциплин исторического ряда (археологии, исторической этнографии), а также выводы ряда отраслей научного познания (физической географии, антропониимии, топонимии, почвоведения, гидрологии и др.), не имеющих прямого отношения к истории. Такого рода результаты и выводы, сами не являясь, подобно письменным сообщениям, традиционными историческими источниками, тем не менее, представляют собой несомненные источники исторического познания, в значительной степени компенсирующие отсутствие письменных сообщений, хотя и нуждающиеся в специфических процедурах дополнительной

1911. 232 с.; Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1971. 276 с.; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне/ Заходер Б.Н. М.: «Наука», 1967. 212 с.; Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2000. С.403; Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Дада. Издание, перевод и комментарий Д.А.Хвольсона. СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1869. С.32-33; Горский А.А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства// Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.: Наука, 1997. С.281-282; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий/ И.Г.Коновалова; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Вост. Лит, 2009. 223 с. и др.

¹ Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М.: Синодальная Типография, 1915. 494 с.; Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик/ Издание подготовили Л.А.Ольшеская и С.Н.Травников. М.: «Наука», 1999. 494 с.: ил.; Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святого Дмитрия Ростовского. Книга первая. Сентябрь. М.: «Ковчег», 2010. 672 с.; *Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio. Tomus VIII. Complectens varia concilia episcoporum statuta synodalia. Parisiis, Apud MONT ALANT, ad Ripam PP. Auguftinianorum, prope Pontem S. Michaëlis. MDCCXXXIII. Стб. 575-577*

верификации. Оценки и суждения об особенностях тех или иных относящихся к рассматриваемым территории и хронологическим периодам неписьменных источников (археологических, нумизматических, этнографических и т.д.), по глубокому убеждению автора, должны находиться в сфере профессиональной компетенции соответствующих квалифицированных специалистов. Исследователь общей исторической направленности для решения поставленных задач должен привлекать и использовать в своих работах результаты, полученные такого рода компетентными специалистами.

Результаты археологических исследований верхнеокской территории стали важнейшим для настоящего исследования видом неписьменных источников. Изыскания, осуществлённые на протяжении прошлого века А.А. Спицыным, А.В. Арциховским, П.Н.Третьяковым, А.Л. Монгайтом, В.В. Седовым, Т.Н. Никольской, Т.В. Равдиной, рядом иных исследователей, дали возможность не только определить этнополитические границы вятичей, но и выявить признаки-маркеры их материальной культуры, уровень культурного и технологического развития, уточнить их место в системе раннесредневекового товарного обмена, выяснить ряд иных важных научных вопросов. Значительная часть разнообразной и ранее не использовавшейся в исследованиях информации о ходе, результатах и выводах, полученных археологами-исследователями, находится в настоящее время в фондах и архиве Орловского краеведческого музея, несколько десятилетий (начиная с начала XX в.) являвшегося организационной и научной базой для ряда региональных археологических изысканий и исследований. В данной работе активно использовались результаты, полученные в ходе проведения археологических разведок, раскопок и иных археологических работ такого рода. Получили также применение и имеющиеся в доступе тематически важные археологические отчёты архива Института археологии РАН.

До настоящего времени вся территория бассейна Верхней Оки не была археологически обследована полномасштабно и комплексно, хотя отдельные части этих земель, а также некоторые аспекты ранних этапов существования местного населения были изучены весьма подробно. Последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI века стали плодотворными в этом отношении. Особого упоминания в этой связи заслуживают работы Г.А. Массалитиной, А.М. Обломского, А.В. Григорьева, Е.А. Шинакова, Н.А. Кренке, О.Л. Прошкина, М.А. Воронцова, А.З. Винникова, Н.А. Тропина, В.В. Енукова, М.И. Гоняного, А.Н. Наумова, Л.Н. Красницкого, многих других археологов. Полученные результаты заложили серьёзную научную основу для решения множества исследовательских задач исторического характера. Важным источником информации о существовании и развитии верхнеокских социумов являются сведения исторической этнографии и антропологии. Совокупность реконструируемых и живых обрядов, ряд сопоставляемых деталей религиозного и культурного характера позволили выявить ранее неявные культурные связи местных жителей и в некоторой степени воспроизвести особенности их духовной культуры,

что значительно облегчило создание более цельного и проработанного исторического повествования¹.

Следующая разновидность использованных неписанных источников – данные специальных исторических дисциплин. Подробная информация о ранней генеалогии верховских князей содержится в дошедшем до нас в копии Любецком синодике. Аналогичные сведения о более поздних периодах содержатся в упомянутых «Актах, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией». Ценную информацию содержат также генеалогические справочники и исследования. К этой же категории можно отнести и отрывок «Родословие князей Одинцевичей», размещённый в 35 томе ПСРЛ (как, впрочем, и ряд генеалогических справок в иных летописях, иногда весьма обширных)². Крайне значимыми для выявления активно использовавшихся восточноевропейских транспортно-торговых маршрутов раннего средневековья оказались выводы, сделанные по итогам исследований в области нумизматики А.А.Гомзина, В.П.Лебедева, В.Н.Чхаидзе, В.В.Зайцева, В.В.Енукова и ряда других³. Значительное число научных работ и сообщений в этой области оказали прямое воздействие на понимание причин возникновения вятичской этнополитической общности, а также выявление значимых внутренних и внешних факторов на протяжении всего периода её существования.

Значительный объём собранных исторических данных позволяет говорить о том, что общая совокупность имеющихся в распоряжении автора научно верифицированных

¹ Бернштам Т.А. Обряд «крещение и похороны кукушки»// Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Л.: Наука, 1981. С.182, 190; Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого. Том 1-3; Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI-XIII веков/ Недошивина Н.Г.// Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. И др.

² Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время/ Зотов Р.В. СПб., издание Археографической комиссии, 1892. 374 с. Волконская Е.Г. Род князей Волконских. С портретом автора, снимком с родословной 1686 г. и гербом рода/Волконская Е.Г. СПб.: Тип-я М.М.Стасюлевича, 1900. 992 с.; Родословная книга. Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Книга 10. М.: Университетская типография, 1851. и др.

³ Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации... к.и.н. М.: 2013. 28 с.; Он же. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты// Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. С.390-393; Лебедев В.П., Амосов М.А. Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области// Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С.37-45; Чхаидзе В.Н. Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса// Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуго. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Мат-лы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С.337-342; Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок// Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1992. С.27-28; Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху// Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С.64-67; Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северной земли// Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Сборник научных статей. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 18/ Гл. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество, 2014. С.25-29 и др.

источников достаточно для того, чтобы осуществить комплексное исследование истории возникновения и эволюции рассматриваемой территории, определить объективные закономерности её исторического развития, выявить наличие у неё ряда специфических черт, провести анализ её политико-административной эволюции и охарактеризовать причины и особенности её окончательного вхождения в состав Российского государства.

Целью настоящего диссертационного исследования является обоснование концепции о существовании на рассматриваемой территории в указанный период особого исторического феномена – Верхнеокского (Верховского) исторического региона, исследование причин его возникновения, длительного развития и последующего исчезновения, подтверждение гипотезы о непрерывности его существования; поиск и обнаружение наличия его конкретных, специфических и значимых отличий от других частей Руси (а затем России) в ходе исторического развития на протяжении VIII – XVI вв.; выявление и фиксация эволюции особенностей его геополитического положения, политической организации и культуры.

Указанная цель исследования для своего достижения потребовала постановки и решения следующих **задач**:

- Выявить территориальные пределы и географические границы рассматриваемого территориально-исторического феномена – Верхнеокского (Верховского) исторического региона – на основе поиска, анализа и систематизации исторических источников, а также результатов археологических, историко-географических, общеисторических и иных научных исследований.

- Определить хронологические рамки возникновения, существования и исчезновения Верховского (Верхнеокского) исторического региона исходя из концепции его культурного, экономического, политического и этнического единства.

- Выявить признаки непосредственной преемственности в развитии последовательных этапов истории Верхнеокского (Верховского) исторического региона путём анализа сходных черт и специфических особенностей. Установить признаки наличия этнокультурной преемственности населения рассматриваемого региона в разные периоды.

- Определить и обосновать физические, социальные и политические причины возникновения, развития и исчезновения рассматриваемого региона, дополнив их анализом данных о предшествующем («довятичском») и последующем («послеверховском») периодах территорий бассейна Верхней Оки.

- Разработать периодизацию истории региона посредством выявления стадий возникновения, развития и исчезновения рассматриваемого исторического региона. В свете этого выявить локальные особенности, предпосылки, причины и последствия воздействия внутренних и внешних факторов на ход региональных исторических процессов.

- Установить степень соотношения и значимости внутренних и внешних факторов, воздействовавших на ход исторических тенденций, приведших к возникновению, развитию и исчезновению Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

- Решить ряд конкретных вопросов, связанных с особенностями славянской колонизации региона: пути и хронологические рамки славянских миграционных потоков, участие автохтонного дославянского населения в вятичском этногенезе, соотношение разноэтнических элементов в культурогенезе и т.д.

- Создать, на основе анализа и систематизации ранее собранных источников и результатов исследований, историческое повествование, позволяющее максимально полно и комплексно описать процессы возникновения, политического и социально-экономического развития Верховского исторического региона в VIII-XVI вв.

Гипотеза исследования: заселявшиеся с VIII в. древними славянами земли бассейна Верхней Оки и прилегавших к нему территорий, с начала заселения в VIII в. и до их окончательного включения и закрепления в составе Российского централизованного государства в XVI в. представляли собой особый территориально-исторический феномен – Верхнеокский (Верховской) регион, имевший характерные специфические черты исторического, политического, этнического и социального развития, особенности географического положения, отличавшие и выделявшие его из ряда прочих восточнославянских территорий. Прослеживаемая специфика и индивидуальность черт исторического развития, бывшая результатом взаимодействия ряда внутренних и внешних факторов, приводила к сохранению высокой степени самостоятельности (автономии) рассматриваемого исторического региона в разные исторические периоды и позволяет отследить его существование на протяжении семи столетий.

Методологической основой диссертационной работы являются следующие научные принципы: 1) историзм; 2) достоверность, заключающаяся в изучении всех доступных исторических источников с использованием существующих форм, методов и способ их изучения; 3) объективность, предполагающая комплексность подходов и оценок всех сторон и аспектов рассматриваемых процессов и явлений, вне зависимости от предпочтений исследователя; 4) максимально возможная комплексность и всесторонность, обусловившая широкое применение междисциплинарных подходов и методов.

Подбор **методологического инструментария** диссертационного исследования в виде специализированного набора методов и приёмов определялся спецификой предмета исследования и осуществлялся с целью выявления причин и особенностей этнокультурной эволюции и социально-политического развития рассматриваемой территории, отличавших её от соседних территорий, и построения концепции, объясняющей причины возникновения и существования выявленных в ходе исследования процессов в их взаимосвязи и обусловленности. В исследовании использовался *сравнительно-исторический метод*. В ходе его применения плодотворным было обращение к приёмам, относимым к методам *исторического моделирования* и *исторической аналогии*. Востребованными оказались приёмы *системного анализа* в различных его аспектах: при выявлении и рассмотрении общесистемной реакции рассматриваемого исторического региона на внешние раздражители, равно как и при его структурно-функциональном анализе. При проведении

диссертационного исследования был активно использован *картографический метод*, а также близкие к нему методы и приёмы, применяемые исторической географией и регионалистикой. Весьма продуктивным оказалось также использование наработок политической антропологии, в частности, характерный для неё компаративистский подход.

В условиях малого количества традиционных письменных источников, применялись *методы регионально-исторического анализа*. Была произведена адаптация ряда методов и приёмов, используемых исторической географией и её подотраслями в целях их применения в историческом исследовании. Результатом адаптации стала разработка оригинальной методики, предназначенной для определения объективных социальных, экономических и этнических границ Верхнеокского (Верховского) исторического региона в условиях ограниченности письменных источников и исторической изменчивости политических границ.

Необходимость прибегнуть к установлению междисциплинарных связей побудила обратиться к использованию результатов экономико- и физико-географических, антропологических исследований, исследований в области управления. Основой формирования информационной базы, необходимой для их применения стали результаты ряда археологических, археографических, лингвистических и этнографических исследований, наряду с выводами, полученными при изучении восточноевропейской гидрологии, экономической и физической географии.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования теоретических положений и обобщённого фактического материала настоящей работы для инициирования новых и обогащения продолжающихся исследований истории, географии, экономики, культуры и общественного сознания населения российских земель в границах бассейна Верхней Оки и ряда сопредельных территорий. Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы для преподавания российской и региональной истории в учебных заведениях (высшего и среднего профессионального образования) Орловской, Калужской, Тульской, Брянской, Липецкой, Московской и Рязанской областей, для написания научных работ, касающихся проблематики становления вятичского этнополитического объединения, северо-восточных волостей Черниговского княжества, образования и эволюции Верховских княжеств, их взаимодействия с Золотой Ордой, ряда аспектов исторического и историко-географического районирования, вопросов особенностей выбора путей развития различными русскими княжествами после монгольского нашествия, иных тем, затрагиваемых в данном сочинении.

Теоретическая значимость работы заключается в определении понятия Верхнеокского (Верховского) исторического региона, нахождении специфических и особенных черт, присущих его истории, выявлении причин и процессов его возникновения, существования и развития, выработке более глубокого научного понимания причин возникновения, существования и исчезновения отдельных исторических регионов разного уровня как явления. Результаты данного исследования будут способствовать

систематизации критериев, способствующих лучшему пониманию причин и особенностей развития различных историко-географических регионов и зон России, что, в свою очередь, должно значительно улучшить выявление глубинных процессов, имевших место в отечественной истории в целом и позволит более результативно использовать исторический опыт для современного развития и более эффективной модернизации отдельных частей страны.

Новизна исследования. До настоящего времени в исторической науке отсутствовали исследовательские работы, обобщающие особенности и ход исторических процессов внутри указанной восточнославянской территории на протяжении столь длительного периода (с конца VIII по XVI в.) в их полноте и своеобразии. Проведёнными ранее исследованиями (среди которых в первую очередь следует упомянуть «Землю вятичей» Т.Н. Никольской и «Политическую историю и географию Верховских княжеств» А.В. Шекова) были охвачены отдельные хронологические этапы существования данного региона, без чёткого выявления и описания существующих между ними связей, зависимостей и преемственностей.

В работе рассматривается и обосновывается вопрос о значимости, наряду с политической, также этнокультурной и демографической преемственности ранее считавшихся разделёнными исторических явлений как основы для нахождения их внутреннего единства. Комплексность рассмотрения позволила выявить и проследить эволюцию значимых признаков отмеченной преемственности, к числу которых относятся: неоспоримое единство этнической и культурной традиции, сходство отслеживаемых маршрутов прохождения выявленных границ и ареалов, чётко наблюдаемую и соблюдаемую особенность территориально-демографического размещения местной человеческой популяции, явную связь исходной вятичской суверенности с последовавшей в черниговское время квазиавтономией, закрепление в постчерниговский период собственной династической преемственности, возводимой к черниговской традиции и т.д. и т.п. Полученные результаты дают возможность формулировать гипотезу о существовании на рассматриваемой территории единого исторического региона и видеть в истории Верховских княжеств и прилегающих к ним территорий закономерное продолжение исторических процессов Земли вятичей и восточных северочерниговских волостей. В качестве дополнительного аргумента в пользу рабочей гипотезы в работе указано на наличие ряда признаков замечательной однородности и хронологической единовременности большинства значимых внешних и внутренних процессов, которые выявлены в предполагаемом Верхнеокском (Верховском) историческом регионе.

В ходе исследования установлено, что некоторая часть оценочных суждений, приводимых в летописных источниках, не вполне объективна и не находит подтверждения в результатах археологических исследований, что прослеживается, как в вятичский, так и в черниговский этапы существования региона. В свою очередь, история рассматриваемых территорий после монгольского завоевания (по сравнению с центральной частью российского государства) выделяется своей атипичностью вследствие длительного

соперничества за контроль над ними со стороны ряда региональных «центров силы», максимально яркое воплощение получившего в XIV-XV вв. в ходе борьбы за влияние здесь между двумя основными русскими государствообразующими центрами того периода: Московским и Литовским великими княжествами. В связи с этим, весьма знаменательным представляется хронологическое совпадение перехода всех Верховских земель под сюзеренитет московского государя с началом широкой полонизации Великого княжества Литовского.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. На территории, включающей в себя земли, относимые к бассейну Верхней Оки и непосредственно прилегающие к нему земли бассейнов Десны и Верхнего Дона к IX в. сформировался территориальный исторический феномен – Верхнеокский (Верховской) исторический регион, признаки наличия которого прослеживаются до второй половины XVI в. На протяжении всего периода своего существования он характеризовался специфическим комплексом внешних и внутренних проявлений, который, модернизируясь в разные исторические эпохи, поддерживал внутреннее и внешнее единство рассматриваемой территории.

2. Верхнеокский регион, сохраняя внутреннее культурное и этническое единство, прошёл в своём развитии несколько стадий, уже получивших в исторической литературе собственные названия – Земля вятичей, северо-восточные волости Черниговского княжества, Верховские княжества. Признаки последовательности и преемственности между этапами существования Верхнеокского (Верховского) исторического региона могут быть прослежены. В то же время конкретные характеристики черт и деталей преемственности различны на разных этапах.

3. При сокращении степени внешнего давления, выраженного в виде плотного управленческого либо военного администрирования, и появлении возможности повышения степени самостоятельности территории, земли, относящиеся к Верхнеокскому (Верховскому) историческому региону, на протяжении всего периода его существования восстанавливали похожие по очертаниям и маршрутам прохождения границы, по сути, осуществляя (в определённой степени) своё «самовосстановление». В период существования чёткого размежевания государственных территорий данный регион входил в зону влияния ряда крупных государственных образований либо даже становился их частью (не формируя единой суверенной «страны»). В то же время, синхронность его внутренних процессов (невзирая на текущие административные границы) и внешней активности (проявляемой местными высшими управленцами) явно свидетельствует в пользу наличия внутреннего единства территории и подтверждает излагаемую гипотезу.

4. Зарождение рассматриваемого территориально-исторического феномена произошло в зоне пограничных контактов и взаимодействия экономико-политических интересов нескольких крупных политических и военных структур. В ходе славянской колонизации и формировании вятичской этнополитической общности имел особое значение факт

прохождения по рассматриваемой территории нескольких восточноевропейских и трансевразийских транспортных маршрутов: возникшая в последние столетия I тысячелетия н.э. совокупность региональных и межрегиональных речных и сухопутных путей составляла основу территориальной транспортно-логистической и, в значительной степени, административно-управленческой системы на протяжении всех этапов и периодов существования Верховского (Верхнеокского) исторического региона.

5. Формирование вятичского этнополитического объединения стало результатом смешения находившихся в культурно-языковом родстве различных групп славянского происхождения, сочетавшегося с ассимиляцией реликтовых остатков прежнего, преимущественно балтского населения, являвшихся вероятными носителями мощинской археологической культуры. На протяжении вятичского периода существования (до момента окончательного подчинения древнерусским княжеским управленческим структурам) это этнополитическое объединение находилось под протекторатом либо в союзнических отношениях последовательно с Хазарским каганатом, восточнославянским объединением во главе с северянами, Волжской Булгарией. Наличие здесь весьма высокой внутренней самостоятельности фиксируется, по меньшей мере, до середины XII в.

6. Следующим хронологическим эволюционным этапом Верхнеокского исторического региона стало существование в качестве составной части Черниговского княжества, отмеченное растянутыми на несколько столетий процессами управленческой и идеологической ассимиляции, прерванными монгольским завоеванием середины XIII в.

7. Возобновление политически самостоятельного статуса рассматриваемого региона (в форме тесно связанных Верховских княжеств) стало результатом последовательности событий и процессов, начатых фактическим разрушением большого Черниговского княжества вследствие монгольского нашествия XIII в. и включением местных правителей в сложную монгольскую вассально-сюзеренальную систему, сочетавшую личный вассалитет князей хану и родовое право наследования управляемыми территориями. Выделение рассматриваемых территорий из массива северочерниговских княжеств, в свою очередь, стало следствием комплекса факторов, основанных на специфике правового регулирования ордынской административно-иерархической системы, предусматривавшей включение верховских князей в состав управленческого аппарата улуса Джучи (Золотой Орды) в качестве чиновников высокого ранга, военачальников и, помимо прочего, личных вассалов правящего хана. Итогом стало легитимное сохранение властных полномочий представителями прежней правящей династией (даже после потери династического контроля за новой черниговской столицей Брянском), и образование отдельных Верховских княжеств, ставших новым этапом уже известного географико-исторического феномена.

8. Верховские княжества, как и предшествовавшая им в прошлом Земля Вятичей, постоянно находились в зоне контакта (взаимодействия и соперничества) нескольких сильных соседей. В их случае это были Орда и её наследники, а также последовательно сменявшие друг друга многочисленные претенденты на первенство среди русских

средневековых княжеств, в финальной своей части (XV в.) представленные соперничавшими Московским государством и Великим княжеством Литовским.

9. Правовая возможность лавирования между различными центрами силы, обусловленная формальным сохранением ордынского протектората, позволяла Верховским княжествам вступать в договорные отношения исходя из текущих интересов и возможностей их правителей. Её наличие стало одним из важнейших факторов продления времени самостоятельного существования до начала XVI в. Сохранившиеся «докончания» (договоры) прекрасно иллюстрируют особенностям их правового положения, которое позволяло их правителям законно «служить на обе стороны».

10. После присоединения к Московскому государству территория прежних Верховских княжеств не находилась в центре внимания руководства страны, вследствие чего произошло падение обороноспособности этих земель (ввиду сосредоточения на обороне Берега — рубежа вдоль широтного течения Оки). Перемещение представителей наиболее знатных родов в столицу привело к началу достаточно быстрой хозяйственной и популяционной деградации. Обращение к решению вопроса обороны верхнеокских земель, уже изрядно пострадавших от набегов, произошло только в третьей четверти XVI в., во время строительства новых засечных черт и «польских» крепостей: Кром, Ливен, Ельца, Болхова и т.п. В условиях постоянного контроля со стороны властей централизованного государства, произошла окончательная ассимиляция реликтовых проявлений времён Верховских княжеств. Последние упоминания политически значимых наследных владений верховских князей относятся к 1572 г., что позволяет считать эту дату моментом окончательного формального исчезновения Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, а также списка цитируемых источников и исследований. Текст всех пяти глав иллюстрирован аналитическими картами-схемами. В конце каждой главы наличествуют промежуточные выводы, основанные на материалах раздела. Структура диссертации обусловлена логикой исследования. Глава I посвящена анализу историографии и обоснованию специфики методологической основы исследования. Последующие главы со II-й по V-ю расположены по хронологическому принципу – от более раннего периода к позднему. Структура построения диссертации обусловлена логикой выстраивания аргументации по рассмотрению сформулированных в начале исследовательских задач, проблем и целей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** формулируется исследовательская проблема и рабочая гипотеза, обосновываются актуальность, научная новизна, предмет, цели и задачи исследования, обосновываются его хронологические и географические рамки. Описывается методологическая основа работы, приведено перечисление и краткое описание использованных методов исследования заявленной проблематики. Демонстрируется

практическая и теоретическая значимость исследования, перечисляются основные положения, выносимые на защиту. Здесь же дан обзор источников, использованных при рассмотрении поставленной проблематики. Приведены сведения о практической апробации работы.

Глава I «Историографический обзор темы и особенности методологии исследования», состоит из 3 параграфов, в первом из которых рассматривается историография настоящего исследования, ввиду своей комплексности складывающаяся из нескольких разнородных компонентов, которые можно характеризовать, как обзор и рассмотрение исторических, археологических и историко-географических работ. Второй параграф посвящён рассмотрению и анализу физико-географических особенностей рассматриваемой территории, её геоморфологии, гидрологии, почвам, растительному миру, важных для анализа особенностей расселения и проживания местных жителей.

Третий параграф перечисляет особенности применения методов, использованных в настоящей работе, для построения максимально полного связного и логичного повествования. В частности, создание и приведение к единому стандарту уже существующего картографического материала, позволяющего при его сопоставлении делать обоснованные выводы о местных закономерностях и особенностях. Сбор и систематизация всей доступной научной информации о рассматриваемых хронологических периодах. Анализ полученной информационной базы и определение необходимых к применению терминологических новаций.

Глава II «Начало славянской истории верхнеокских земель» состоит из 5 параграфов. Параграф 1 рассматривает возможность существования культурных и родственных связей с предшествующим дославянским населением Верхней Оки. В настоящее время известен ряд признаков, указывающих на вероятность прямого участия носителей мощинской культуры в формировании вятичского этноса: особенности погребальных обрядов, гончарного производства, домостроения, приемов земледелия, животноводства, наследование гидронимии и топографии расселения. Реликтовое (вероятно) балтское население, пережившее времена падения, и являвшееся носителем мощинской культурной традиции стало, по всей видимости, одним из важных элементов формирования восточнославянского вятичского этноса. В пределах Верхнеокского (Верховского) исторического региона славяне сменили своих предшественников-балтов, ставших, по всей видимости, этническим субстратом, серьёзно повлиявшим на формирование значимых вятичских этноопределяющих отличий: начиная с VIII в., славянские переселенцы стали постепенно расселялись среди немногочисленных балтов, смешивались с аборигенами и заняли лидирующие позиции. В процессе хозяйственного освоения рассматриваемой территории славянами местные балты были ассимилированы.

Параграф 2 главы посвящён славянской колонизации рассматриваемой территории: рассмотрению наиболее вероятных маршрутов перемещения и периодизации расселения колонистов. Преимущества географического расположения позволили Верхнеокскому

(Верховскому) региону выступать в качестве удобного транспортного узла для транзита из балтийского региона через Волгу, Каспий, Среднюю Азию и в обратном направлении. Активное использование торгового пути из Северной Европы в Центральную Азию и район Персидского залива было хронологически параллельно периоду расселения восточных славян на рассматриваемой территории и, по всей видимости, стало одной из значимых причин его активизации. Начиная с VIII-IX вв. несколько колонизационных потоков, численно преобладающим этнокультурным элементом в которых были восточные славяне-носители роменской археологической культуры, заняли обширную территорию в бассейне Верхней Оки, заселили и освоили её в тех масштабах, которые были достижимы на их уровне общественной организации.

Данные археологических исследований позволяют констатировать наличие признаков нескольких маршрутов колонизации территорий начиная с VIII в. К авангарду первопоселенцев следует, помимо восточнославянских, отнести небольшие группы носителей волынцевской археологической культуры, вслед за которыми началось перемещение всё возрастающего количества славян-«роменцев». Переселение происходило, прежде всего, по юго-западному и, в меньшей степени, западному маршруту. В первую очередь заселялись речные долины, а также т.н. «ополья», где остались многочисленные следы пребывания поселенцев.

Расселение происходило, по-видимому, вполне мирно, ввиду малочисленности сохранившегося в ряде мест на второстепенных речных притоках «постмоцинского» балтского населения и, вероятно, благожелательно воспринималось частично контролировавшими транспортные маршруты властями Хазарского каганата. В середине IX в. по западному маршруту на территорию Верхнеокского региона прибыло несколько групп, являвшихся вероятными носителями ряда черт, соотносимых с южной (балканской) и западной (моравской) славянской традицией. Не будучи численно крупными, они, тем не менее, оказали заметное влияние на формирование ряда культурных и бытовых черт формирующегося верхнеокского этнополитического объединения. Среди них, по всей видимости, имелась группа, состоявшая из социально высокоранговых лиц, ставших основой для формирования зафиксированного древнерусскими летописями повествования о приходе (призвании) Вятко и Радима на Оку и Сож соответственно. Летописный рассказ имеет признаки, позволяющие предположить возможность отражения в нём, существовавших в момент его фиксации преданий о ходе вятичского этно- и политогенеза. Обозначенная гипотетическая возможность существования Вятко не является значимой для анализа процессов, приведших к возникновению вятичского объединения: он мог быть как реальным историческим персонажем, так и результатом объединения повествований о деяниях нескольких различных предков-«основателей». Локализация места происхождения легендарного Вятко в том или ином регионе не может служить базой для заключения о преобладающей степени влияния такого региона на верхнеокские земли: единовременное переселение единичной персоны, пусть даже и в окружении нескольких десятков сородичей

и последователей, не в состоянии оказать принципиальное воздействие на ход внутренних культурно-этнических и экономико-управленческих процессов. Гипотетическое переселение Вятко на Верхнюю Оку могло быть отражением одного из эпизодов происходивших в это время масштабных демографических перемещений. Восстановленные в результате археологических исследований специфические черты хозяйственной жизни, быта и прикладного искусства вятичей подтверждают наличие достоверных признаков их культурного и этнического единства в X в.

Параграф 3 повествует о формировании во второй половине IX – начале X в. из различных этнических и культурных компонентов особого вятичского этнополитического объединения, которое, судя по упоминаниям в летописях, на протяжении не менее четырёх столетий оказалось вполне жизнеспособным. Этому способствовало расположение вятичей на восточных пределах славянского мира, их отдалённость от большинства известных нам значимых древнерусских городов, контроль над частью важной торгово-транспортной артерии континентального масштаба. Отделённые от агрессивных степных племён союзными им этнополитическими и государственными формированиями, защищённые лесами от прочих внешних врагов, вятичи в определённой степени были самодостаточны. Они имели собственные источники дохода и не были заинтересованы в дополнительном поиске иного (помимо имевшихся) сильного сюзерена, на роль которого с IX в. претендовали киевские Рюриковичи. В свою очередь, киевские князья были заинтересованы в установлении контроля над землёй вятичей для эксплуатации преимуществ её удачного географического положения и подтверждения своего привилегированного статуса в отношении всех восточных славян.

Для вятичей, правители стремительно растущего формирования с центром в Киеве, стремившиеся ликвидировать их независимость, обложить данью и, следовательно, ухудшить их материальное положение, являлись постоянной угрозой. Стабильное политическое положение вятичского объединения было выгодно организаторам и участникам торговли по окско-донскому и окско-волжскому торговым путям, а потому военно-административную поддержку ему явно оказывал Хазарский каганат, которому, по данным летописей, вятичи платили дань до середины X в. Многочисленные находки указывают на смешанный (славянско-алано-хазарский) характер многочисленных поселений, располагавшихся на прилегающих хазарских территориях: в частности, широкое распространение свиноводства не могло сочетаться с иудаизмом как господствующей религиозной основой.

Имеющаяся в настоящее время информация подтверждает наличие явных признаков существования особой вятичской этнополитической общности в качестве отдельной административной, этнокультурной и, по-видимому, политической территориальной структуры. Начало её зарождения может быть отнесено к IX в., а существование прослеживается на большей части X в. В качестве экономической основы её существования, наряду с традиционными для раннесредневекового земледельческого общества, следует

рассматривать обслуживание проходивших по занимаемой территории ответвлений трансконтинентальных торговых маршрутов. Особенности географического расположения, в целом, способствовали относительно высокому уровню обороноспособности. Данные летописей и археологических раскопок подтверждают существование тесных связей с Хазарским каганатом, а затем восточнославянским тройственным союзом и Волжской Булгарией, последовательно выступавших внешними протекторами вятичей. В параграфе анализируются особенности размещения поселений, мест захоронения и выпадения хронологически синхронных кладов: в тексте приводятся карты-схемы, позволяющие отследить специфические черты и особенности их расположения.

Параграф 4 целиком отведен особенностям взаимодействия вятичского этнополитического объединения с укрепившимся и проводящим активную экспансию Киевским государством. Отмечены многократные (в сопоставлении с прочими восточнославянскими объединениями) летописные повествования о многочисленных военных победах князей над вятичами в период с 960-х гг. и до конца XI в., не подтверждающиеся иными источниками. Фактически же наблюдаются преимущественно малорезультативные попытки установления контроля над верхнеокскими территориями. Прослеживается важная роль взаимодействия вятичей с соседями – северянами, хазарами, волжскими булгарами, державой Мстислава – в вопросе сохранения собственной военно-политической субъектности. Отмечены явные следы и последствия разнородных конфликтов – как отмеченных летописями, так и не привязанные к точным датам.

Параграф пятый носит название «Экономико-географические особенности Земли вятичей. Специфические черты материальной и духовной культуры». В нём рассмотрены региональные особенности сложившейся структуры размещения поселений, обусловленные спецификой физико-географического размещения (ландшафтами, почвенно-климатическими и гидрографическими условиями и т.п.), а также организация и способы ведения хозяйственной деятельности. Описаны отдельные черты локальной хозяйственно-бытовой, производственной и духовной культуры. Отслежены некоторые специфические обряды и обычаи рассматриваемой территории (в том числе - существующие и поныне). Сопоставлены особенности размещения выявленных поселений в начале и конце рассматриваемого периода. Отмечены признаки и обозначена высокая вероятность участия вятичей в «тройственном союзе» с другими носителями роменской культуры – северянами (северами) и радимичами – просуществовавшем до второй половины X в.. После захвата и подчинения радимичских и северских земель киевскими князьями вятичское этнополитическое объединение, судя по всему, продолжало (разного уровня) самостоятельное существование, по меньшей мере, до конца XI- начала XII вв.

III глава диссертационного исследования посвящена периоду нахождения верхнеокских земель в составе древнерусского Черниговского княжества. Специфической особенностью, отличающей их историю от пути прочих восточнославянских земель, было крайне поздний переход под руку Рюриковичей - в тот момент, когда прежнее, пусть

временами и формальное, единство Древнерусского государства сменилось фактическим распадом на отдельные самостоятельные государственные формирования со своими династиями, традициями и административно-управленческой спецификой. Кратковременное пребывание вятичей в составе единого государства не успело оставить заметного следа в истории этой этно-культурной группировки. Глава III включает в себя четыре параграфа и посвящена процессу государственного и религиозного освоения верхнеокских территорий (ранее находившихся в составе Земли вятичей как самоуправляемого этнополитического объединения) управленческими и религиозными структурами Черниговского княжества. В первом параграфе главы дан краткий обзор имеющихся письменных источников, а также рассмотрены результаты археологического изучения территории и анализируется изменившаяся поселенческо-демографическая структура размещения местного населения, осуществляется её сопоставление с данными предшествующих периодов, оцениваются вероятные последствия установления на местах черниговской княжеской управленческой системы. Одним из перспективных сюжетов, затронутых в параграфе, является правовая специфика перехода прав владения Черниговским княжеством внутри клана Рюриковичей.

Результаты археологического изучения демонстрируют появление в конце XI в. ряда новаций, наиболее вероятной причиной которых следует полагать закрепление зависимости рассматриваемой территории от черниговской великокняжеской династии. Анализируется информация о внутреннем административном межевании верхнеокских земель на волости как новые административно-управленческие структуры, а также данные об экспансии владельческих поселений. Происходит постоянное уточнение маршрутов прохождения внешних и внутренних границ, а также стремительное отделение археологически установленных границ распространения этноопределяющих признаков вятичской этнокультурной общности от известных границ между княжествами: формируются черниговские «наши Вятиче», отличные от вятичей, контролируемых Смоленским и Рязанским княжествами.

Параграф 2 посвящён теме религиозной экспансии христианства на рассматриваемых территориях в XI-XII вв., полностью связанной с административным черниговским подчинением этих земель. Любопытным представляется обстоятельство начала широкого распространения этноопределяющих «вятичских» аксессуаров (височных колец, перстней и т.д.), несущих на себе атрибутику, зачастую, явно содержащую языческие религиозно-культурные мотивы. Весьма популярный сюжет о гибели святителя вятичей иеромонаха Кукши несёт черты классического христианского повествования о мученичестве святого от рук «непросвященных язычников» и неожиданно переключается с известным центральноевропейским рассказом о подвиге католического святого Адальберта (Войцеха) Пражского, принявшего смерть от пруссов-язычников в конце X в.

Изменение порядка захоронения умерших, постепенно перешедшего от сожжения на погребальных кострах к трупоположению, изменения актуальных форм традиционных

языческих оберегов и появление христианских символов указывает на продолжение христианизации верхнеокских земель. Конкретных данных о росте числа христиан на этих территориях не сохранилось, но очевидно, что начатое при активной поддержке властей княжества строительство культовых сооружений в административных центрах волостей сопровождалось ростом численности местной паствы. Второй половиной XII в. датируется начало очевидного сокращения числа погребений, сохранявших языческий характер погребальной обрядности.

Особое значение для окончательного подчинения верхнеокских территорий Чернигову получили княжеские уобицы XII века и их последствия, описанные в 3 параграфе главы. Именно с ними связаны как первые летописные упоминания большинства древнейших городов и поселений региона, так и постепенное явное исчезновение прежде весьма часто фигурировавших в летописях упоминаний о вятичах в любых формах. В последних десятилетиях XII в. фиксируются первые указания на рассматриваемые территории как «верхние» (верховые) земли.

В 4 параграфе главы производится рассмотрение особенностей дошедших до настоящего времени проявлений материальной культуры и её связь с аналогами периода вятичской политической самостоятельности. Рассматриваются особенности территориальное размещение местного населения в сопоставлении с предшествующими периодами. Делается вывод, что черниговский период существования, в который вступили земли, прежде относимые к Земле вятичей, позволяет проследить значительное число тенденций, указывающих на его преемственность по отношению к предшествующему («вятичскому») времени. Отмеченная культурная и бытовая преемственность указывает на необходимость рассмотрения вятичского и черниговского периодов верхнеокской истории в качестве тесно связанных этапов истории единой территориальной историко-географической единицы – Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

Глава IV носит название «Политическая история Верховских княжеств с середины XIII в. до конца XV в.» и состоит из восьми параграфов. Первый из них посвящён особенностям исторических путей земель Черниговского княжества после монгольского завоевания, а также специфике сложившейся с середины XIII до начала XIV в. системы управления ими в рамках ордынской правовой и управленческих систем. В параграфе дана отдельная краткая историография этого вопроса, а также проведено сопоставление монгольской, русской и европейской традиций построения вассально-сюзеренных отношений. Выявлены и проанализированы детали русско-ордынских отношений, базировавшиеся на вассальном положении Рюриковичей относительно правящих Чингизидов при одновременном сохранении фактически семейно-династического права на управление русскими княжествами. В параграф 2 подтверждается высокая степень воздействия ордынской системы управления на становление самостоятельных государственно-административных формирований из прежних северочерниговских волостей, правители которых утверждались монгольской администрацией на правах вассалов и признавались продолжателями

черниговской государственной традиции; их князья являлись составной частью родовой княжеской корпорации, возводимой к черниговскому княжескому дому и полностью признавали сюзеренитет Монгольской империи. Судя по всему, именно монгольские сословно-династические практики повлияли на неожиданную потерю черниговской династией контроля за своей новой столицей - Брянском (а затем и Карачевом) - при сохранении родовых позиций на прочих территориях прежнего княжества. Таким образом, в конце XIII в. в бассейне Верхней Оки была заложена основа для возникновения в дальнейшем группы суверенных Верховских княжеств.

Третий параграф главы «Рост самостоятельности Верховских княжеств. Катастрофы второй половины XIV в. и их политические последствия» посвящён анализу вероятных «мобилизационно-снабженческих» оснований возникновения наблюдаемой к середине XIV в. административной структуры, давшей начало Верховским княжествам. Архаичные способы ордынской инвеституры парадоксально стали фактором, повысившим статус русских (в нашем случае верховских) князей в ордынском социуме. Персональный и исключительный характер передачи главного черниговского стола в г. Брянске формальному представителю смоленских Рюриковичей внучатому племяннику «гургана» Федора Ростиславича князю Василию Александровичу оставил под контролем представителей черниговской династии их столы и поддержал их персональный статус. Более того, родовое старшинство постепенно перешло к новосильским князьям. Резкая активизация литовской экспансии, стремительное возвышение Москвы, а также последовавший со середины XIV в. ряд природных катастроф стали тем комплексом причин, который, уничтожив самостоятельность нескольких северочерниговских княжеств, привёл к попаданию верхнеокских земель в зону активной военно-политической конкуренции и явному росту формальной самостоятельности тех из них, кто её сохранил.

Параграф 4 «Воздействие последствий Великой замятни на положение и статус Верховских княжеств» представляет собой рассмотрение военно-политической ситуации середины XIV в. на территории, когда начался выход Верховских княжеств из исторической «тени». В связи с падением прежнего ордынского влияния для них начался поиск новых покровителей и партнеров. Основными соперниками в вопросе консолидации восточнославянских земель оказались в итоге Московское и Литовское великие княжества. После Куликовской битвы 1380 г. установилось некоторое равновесие между этими двумя центрами силы. Состоялся переезд старшего стола из разорённого Новосила в Одоев. Фактически замятня завершилась в 1382 г. – формальным подтверждением ордынских прав на русские земли, но идеологические перемены оказались очень ощутимы, родилась формулировка «а переменит Бог Орду».

Пятый параграф главы носит название «Верховские княжества в политической системе Руси конца XIV - последней четверти XV вв.» и описывает ход политической трансформации этой части Восточной Европы. Разграничение сфер влияния между Москвой и Литвой облегчило Верховским князьям переход под покровительство Литвы, поскольку

выглядело стабильным вариантом приобретения защиты от нападений и гарантией от поглощения другими княжествами. Последняя четверть XIV в. – время начала вхождения русских земель к юго-западу от Верховских княжеств в сферу влияния или состав обширного «Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных земель». Формально сохранившись Орда реально утратила прежнее значение, начался процесс постепенной деградации прежде великого государства. Ордынский сюзеренитет над русскими княжествами стал приобретать всё более формальный характер, а «дани и выходы» начинали всё более походить на подношение опасному соседу. Верховские князья, заключив несколько внешнеполитических соглашений («докончаний») приобрели уникальный статус правителей самостоятельных государств, имеющих легальное право служить сюзерену по своему выбору (Москве либо Литве): в возникшей терминологии - «на обе стороны». Политические и военные потрясения стимулировали переход их верности к Великому княжеству Литовскому.

Параграф содержит описание военных и политических процессов. Рассматриваются специфические вопросы взаимоотношений Верховских князей с формальным сюзереном - наследниками Орды.

Следующий, шестой, параграф называется «Особенности существования отдельных Верховских земель и княжеств» и начинается анализом наблюдаемых изменений поселенческо-демографической структуры региона в сопоставлении с более ранними периодами, которые позволяют сделать вывод об относительной стабильности военно-политической и административно-хозяйственной обстановки на рассматриваемых территориях. В параграфе реконструируются этапы существования административно различающихся верхнеокских территорий: Новосильского княжества и его основных преемников - княжеств Одоевского, Воротынского и Белевского, княжества Карачевского и Козельского, наместничества Мценского и Любутского, княжества Тарусского, а также вероятного «баскачества Тайдулы» и сформировавшегося после его исчезновения Елецкого княжества. Каждое из перечисленных формирований имело специфические и весьма интересные особенности развития и внутреннего устройства.

Параграф 7 «Верховской (Верхнеокский) регион в конце XV – начале XVI вв.» носит, преимущественно, описательный характер и повествует о шедшей на протяжении нескольких последних десятилетий XV в. активной деятельности московского правителя Ивана III по включению верхнеокских земель первоначально в сферу безраздельного влияния Московского великого княжества, а затем – в состав формирующегося Русского централизованного государства. Описываются детали многолетней военной, политической, юридической, экономической и династической интриги, позволившей подчинить эти территории (а также ряд других) Москве. Её итогом стало полное включение Верховских княжеств в быстро централизующуюся Московскую Русь. Начался длительный процесс ассимиляции верхнеокских земель, сопровождавшийся постепенным исчезновением их внутренней особой идентичности.

Завершающий, восьмой параграф главы «Специфические черты формирования и существования Верховских княжеств. Периодизация их истории» содержит анализ процессов, приведших к возникновению Верховских княжеств, особенностей их существования и последующего исчезновения в качестве самостоятельных административно-политических единиц.

Явно выделяются 3 основных периода их истории. Первый период - со времени падения Чернигова под ударом монгольских завоевателей в 1239 г. и до момента формального подчинения и утраты самостоятельности Брянско-Черниговским княжеством в 1357 г.: времена изменения политической системы всей Руси путём встраивания в общеимперскую монгольскую управленческую систему. Наследники черниговской династии не смогли стать перворанговыми участниками большой общерусской борьбы за влияние, но всё же сохранили за собой родовые земли, территориально совпавшие с поствятичскими волостями.

Второй период длился с 1357 г. до 1427 г. и был открыт включением номинальной столицы черниговских земель города Брянска в 1357 г. в состав Великого княжества Литовского. Верхней границей периода следует полагать 1427 г. – начало перехода верховских князей под протекторат Великого княжества Литовского. Третий период истории верховских княжеств продлился с 1427 г. до 1503 г. и характеризовался политикой перманентного «межсистемного» лавирования: время фактического вхождения Верховских княжеств в состав квазиконфедеративного литовского государства при сохранении широкой внутренней автономии и большинства особенных черт их исторического развития. Финальная дата определена подписанием в 1503 г. Благовещенского перемирия между Великим княжеством Литовским и Московским государством и установлением здесь московского контроля.

В качестве отличительных признаков Верховских княжеств (во многом подобно Земле вятичей) следует указать этническое, экономическое, административное и политическое единство, сцементированное властью формально единой династии правителей. В XIV-XV вв. Верховской (Верхнеокский) исторический регион следует рассматривать как явный и выразительный пример стабильного восточноевропейского региона среднего масштаба, состоящего из нескольких административно разделённых составных частей, объединённых этническими, епархиальными, династическими, культурными, экономическими и рядом иных связей.

Название **пятой главы** – «Верхнеокские земли в составе Российского централизованного государства в конце XV – XVI вв.» Она содержит три параграфа: §1 «Ассимиляция Верховских княжеств», §2 «Верховские (верхнеокские) земли как рубеж обороны» и §3 «Эволюция статуса Верхнеокских земель в составе Русского централизованного государства». Внимательное рассмотрение §1 особенностей административно-управленческой и военно-политической ассимиляции Верхнеокского исторического региона позволило прийти к выводу о растянутости во времени прохождения

указанного процесса на рассматриваемой территории. В параграфе рассматривается установление контроля общегосударственных институтов над присоединённой верхнеокской территорией. Демонстрируется, что в начале XVI в. территория Верховского (Верхнеокского) исторического региона официально перестала быть русско-литовско-татарским пограничьем, а потому довольно быстро превратились в «удалённый рубеж» Московского царства на юго-западной и южной окраинах. Формальная линия соприкосновения русских земель со степными территориями, на которых господствовали крымские татары, также переместилась к югу. Основную тяжесть воинской службы на теперь уже общероссийской границе вынуждены были нести местные силы. Реально же, пограничный характер рассматриваемого региона России сохранялся и даже усиливался в течение всего XVI в. в связи с тем, что через верхнеокские земли проходили пути вторжений крымских татар, регулярно грабивших те части страны, которых они могли достичь, а прочность западных рубежей не была высокой. прежняя поддержка в борьбе с татарской опасностью со стороны Литвы отсутствовала, поскольку Великое княжество Литовское превратилась в соперника и конкурента. Москва же ресурсы, необходимые для организации полноценной защиты новых границ, тратить не могла.

Политическая составляющая идентичности Верховских земель, определяемая их «промежуточным» положением между Русью и Литвой перестала существовать: верхнеокские земли полностью стали частью Русского централизованного государства. Основной проблематикой, довлевшей над всеми прочими вопросами, постепенно стала необходимость организации обороны от грабительских набегов. В XVI в. эти земли продолжали сохранять ощутимые отличия в текущих особенностях жизнедеятельности от прочих (в первую очередь внутренних) регионов Российского государства Специфическая военно-политическая, экономическая, социальная, демографическая и административная обстановка, бывшая следствием нахождения верхнеокских земель на путях вторжений крымских татар в пределы Русского государства XVI в., по всей видимости, стала последней по времени своего существования значимой причиной представления рассматриваемой территории как отдельного историко-географического региона.

Второй параграф главы повествует об особенности статуса верховских наследников («княжат» по распространённой терминологии), которые явно прослеживаются при рассмотрении подчинённых им военных структуры. Верховские князья перешли на службу Ивану III со своими ратями – большими и малыми. Малые отряды выглядели, скорее, как увеличенная вооружённая свита, в то время как крупные вполне адекватно описывались летописями как «полки», о чём повествуют сообщения разрядных книг, сохранивших отдельные указания для «своих» полков верховских князей. Такое положение длилось относительно недолго, но «особость» статуса и положения верховских князей (в особенности Воротыньских со «своим полком») на фоне их московских коллег ощущалась ещё несколько десятилетий. В частности, в записи за 1508 г. явно прослеживается разделение людей, составлявших обычное войско, и тех, которые пришли с

И.М.Воротынским: они, даже после ухода своего командующего, остаются на месте, получая нового командира из той же династии. Вероятной причиной подобного видится то обстоятельство, что опыт применения местных сил в районе их постоянной дислокации (либо на небольшом удалении от него) оказался более успешен, нежели чем при их экспедировании на отдалённые территории. В записи от 1543 г. упоминаются в качестве воинского формирования «свои люди» князей «...Володимера да князь Александр Ивановичи Воротынских». Такого рода упоминания прослеживаются даже во второй половине XVI в.

Структурные и управленческие изменения, обусловленные процессами усвоения верхнеокских земель управленческим аппаратом Московского государства, привели к относительному ослаблению их оборонных возможностей. В XVI в. большинство потомков верхнеокских князей было задействованы (а некоторые и «репрессированы») на территориях Московского государства, удалённых от отеческих земель. Традиционная же московская сосредоточенность на окском «Береге» ослабляла внимание к укреплению местных оборонительных сооружений и крепостей, новые же рубежи лишь начинали обустриваться. Влияние чрезмерно частых военных действий на развитие территории следует полагать полностью негативным. Став территорией «военного транзита», верховские земли заметно ослабли в экономическом плане. Присоединение к Московской Руси, в такой ситуации, не повлекло за собой какого-либо хозяйственного прогресса. В прошлом зажиточный край, за контроль над которым соперничали Литовское и Московское великие княжества, в XVI в. растерял своё прежнее богатство, превратившись в заокскую («крымскую») Украину. Оставшееся без привычной поддержки население самостоятельно противостоять внешнему натиску уже не могло, а помощь из центра оказалась явно недостаточной для поддержания прежнего уровня обороны.

Подмечено, что заботы московского правительства о защите того или иного региона страны заметно активизировались там, где активно шло масштабное оформление прав земельной собственности на связанных с центральным московским правительством новых владельцев, получившее наименование «владельческой колонизации». Эта гипотеза находит своё подтверждение на верхнеокской территории: пока связанные с центром либо непосредственно московские собственники не заняли заметную часть верхнеокских земель, центральное правительство не утруждало себя большими заботами об их (а также их жителей) защите от татарских набегов.

В параграф 3 рассматриваются перипетии перехода формального «старшинства» внутри верховской княжеской корпорации. Одоевское княжество формально являлось старшим внутри новосильской княжеской корпорации и, соответственно, его правители отвечали за сбор «одоевского выхода», востребованного крымскими ханами и признаваемого государем московским (см. выше). Внимательное рассмотрение наличествующих документов позволяет проследить переход бывших одоевских уделов к Воротынским приблизительно в середине третьего десятилетия XVI в. Судя по всему,

внутренняя автономия и самостоятельность Воротынского и части Одоевского княжеств в тот момент сохранялась на довольно высоком уровне: по меньшей мере, в части осуществления административных, судебных, фискальных, охранных и даже военных полномочий. Подобное положение сохранялось до начала 1560-х гг. Смерть летом 1560 г. царицы Анастасия, что сразу же сильно ударила по Воротынским и привела к относительно быстрой потере прежнего влияния при дворе.

До опалы 1562 г. в ведении верховских правителей сохранялось назначение руководящих лиц, подотчётных местному князю, выполнение судебных и исполнительных функций, установление, отмена и сбор налоговых платежей, сборов, а также надзор за выполнением ряда иных обязательств подданных в отношении своего суверена. С.Б. Веселовский, анализируя документ, отмечает явную архаичность (в сравнении с общерусским законодательством) ряда норм (указания на «убитого на поле» (в ходе судебного поединка) и княжеские охотничьи привилегии). К моменту опалы 1562 г. прослеживается высокая степень суверенности «вотчин» под рукой Воротынских, что подтверждается явным наличием собственных вооружённых формирований, самостоятельных судебных, налоговых и управленческих структур.

Впрочем, переписка, ведшаяся государем Иваном IV от имени М.И.Воротынского, утверждает что, по состоянию на 1567 г. Михаил Иванович Воротынский, являвшийся на тот момент боярином, членом совета (Думы) при московском государе, воеводой и наместником Казанским, правил Новосильским княжеством как властный правитель («державец»), знатностью рода и предками сопоставимый с предками московского царя. В то же время, документы, относящиеся к самому М.И.Воротынскому, прямо говорят о фактическом финансовом разорении князя в связи с большим количеством государевых поручений и последствиями экономических репрессалий.

В середине XVI в. ассимиляция верхнеокских земель московским государством оказалась успешной: насущные задачи, решаемые населением прежней Верховской земли в середине XVI в. совершенно не отличались от такого же рода вопросов, стоявших перед жителями прочих «украинных» и «польских» российских территорий. Избежавшая эмиграции и гибели местная элита к этому времени полностью растворилась внутри высокопоставленных слоёв Московского государства и никак не была связана с землёй своих предков. Попытка сопоставления прежней вятичской территории с административным делением начала XVII в. не позволила выявить между ними какую-либо преемственность или связь: новое территориальное деление, в отличие от предшествующих периодов, преимущественно решало вопросы управленческой унификации и укрепления обороноспособности единого государства. Географически соседствующие территории в их внешних взаимодействиях были, зачастую, более тесно связаны с Москвой, нежели со своими соседями, в силу отнесения к различной приказной подведомственности.

На территории, прежде занятой Землёй вятичей, позднее – северо-восточными волостями Черниговского княжества, а затем – Верховскими княжествами, к XVII в.

сложилась ситуация, исключившая возможность формирования каких-либо единых местных центров силы. Равномерное распределение уездов было обусловлено, прежде всего, не особенностями исторического развития той или иной части рассматриваемых земель, а удобством административного и фискального управления ими из столицы. Следствием данной ситуации является признание факта, что не позднее третьей четверти XVI столетия Верхнеокской исторический регион как самостоятельный исторический феномен окончательно прекратил своё существование.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы выводы работы. Поставленные в начале настоящей работы исследовательские задачи были последовательно и поглавно решены:

- на основе междисциплинарного анализа были выявлены географические пределы рассмотренного Верхнеокского (Верховского) региона и определены его политические границы в разные хронологические этапы существования;

- установлены верхние и нижние хронологические рамки существования региона в целом и отдельных этапов его существования;

- выявлены признаки непосредственной преемственности (культурной, этнической, политической, династической и т.д. и т.п.) между следующими друг за другом этапами существования региона;

- разработанная периодизация истории региона проработана с определением круга значимых для его возникновения, развития и исчезновения внутренних и внешних причин и воздействий, а также ряда черт и воздействий, определяющих специфику рассматриваемых территорий и их отличий от территориально, политически и культурно близких соседей;

- сформулированы рабочие гипотезы, касающиеся ряда дискуссионных вопросов, имеющих непосредственное отношение к истории Верхнеокского региона, осуществлён подбор источниковой доказательной базы в их подтверждение: о направлениях, путях и хронологии колонизационных славянских потоков, о судьбе и роли неславянского населения в последующем этногенезе, о влиянии соседствующих этнополитических структур на становление и развитие местной этнополитической общности, о характере взаимодействия с управленческими и религиозными структурами Черниговского княжества, о значении и специфике воздействия Золотой Орды и её правовой системы на возникновение и становление Верховских княжеств, об особенностях взаимодействия с Московским и Литовским великими княжествами и их влиянии на политический выбор верховских княжеских династий, о специфике присоединения Верхнеокского региона к Русскому централизованному государству и об особенностях последующей ассимиляции местных управленческих структур;

- на основе результатов сбора, систематизации и анализа источниковой информационной базы, полученной после изучения источников и итогов различных научных исследований (исторических, археологических, этнографических, лингвистических, естественно- и экономико-географических, а также ряда других) создано

комплексное целостное изложение и последовательное описание хода процессов этнополитического, социально-экономического и военно-политического развития Верхнеокского (Верховского) региона в VIII-XVI вв.

В работе выявлено принципиальное значение порубежного расположение рассматриваемого региона в зоне контакта лесной, лесостепной и степной географических зон, а также соприкосновения трёх крупных речных систем, имевших значительное транспортное значение (Волго-Окской, Днепро-Деснинской и Донской). Решающую роль в расселении здесь славян сыграла географическая локализация и специфика ландшафтов территории в виде «переплетённости» речных бассейнов, залегания различных видов почв (граница чернозёмной и нечернозёмной почвенных зон) и степени облесённости.

В ходе анализа рассмотренного в данной работе материала было составлено 34 схемы-карты территориального размещения этно-политических, административных и археологических объектов, на протяжении рассматриваемого периода существовавших на рассматриваемой территории: предположительно балтской мощинской археологической культуры, славянской роменской археологической культуры, северо-восточных волостей Черниговского княжества (Лесная земля, Вятичи и др.), Верховских княжеств второй половины XIII- начала XVI вв., земель «заокской украины» централизованного Русского государства XVI - начала XVII вв. и др.

Выявленные в ходе рассмотрения собранного материала повторяемость и синхронность административно-политических процессов, культурно-социальная и демографическая преемственность, очевидное единство и однородность политических реакций на внешние политические и военные «раздражители» позволяют рассматривать единую историю региона в качестве последовательной череды разных политических форм единого социума, изменявшегося во времени в соответствии с различными условиями и задачами. Совокупность перечисленных и описанных социальных и политических процессов, излагаемая и рассмотренная в настоящей работе, объединённая с анализом проявляющейся в ходе исторических процессов специфики географического положения и транспортной организации позволяет аргументировать обосновываемую гипотезу о существовании здесь особого Верхнеокского (Верховского) исторического региона.

В истории Верхнеокского региона удалось проследить ряд специфических процессов и явлений, которые позволяют характеризовать его как территорию, имевшую свои геополитические, экономические, этнические, культурные особенности и изменяющуюся во времени, но неизменно скреплённую рядом внутренних связей. Прослеживаемые тенденции развития верхнеокских земель в течение VIII-XVI вв. позволяют подтвердить наличие общих черт региональной специфики и дают возможность комплексного научного рассмотрения их истории. Результаты, полученные в качестве итогов проведённого исследования, подтвердили существование на территории бассейна Верхней Оки и прилегающих к нему территорий бассейнов Десны и Верхнего Дона со второй половины IX до середины XVI в. особого Верхнеокского историко-географического региона.

Установлена логически стройная последовательность взаимосвязанных этапов возникновения и эволюции Верхнеокского (Верховского) исторического региона. Первым из них стало формирование на рассматриваемой территории вятичской этнополитической группировки. В процессе обоснования положений и формирования доказательной основы настоящей работы была подтверждена прямая связь ряда специфических черт рассматриваемого территориально-исторического феномена с весьма долгим (сравнительно с прочими восточнославянскими этнополитическими объединениями) сохранением вятичами своей номинальной и фактической самостоятельности. Выявлено и отмечено, что зафиксированная русскими летописями легенда об основателе вятичей Вятко с определённой долей вероятности может являться отражением существования связей местного населения с территориями современной Центральной и Юго-восточной Европы.

В качестве рубежа следующего этапа может рассматриваться начало постепенной и растянутой во времени потери вятичами независимости, их вхождение в состав рыхлого Древнерусского государства с его системой сбора дани и церковной десятиной. Особую роль в разрушении ещё сохранявшихся здесь элементов самостоятельности, а также установлении административного и религиозного контроля за рассматриваемыми территориями сыграли результаты феодальных войн и конфликтов, активизировавшихся в конце второй четверти XII в.

Третий этап был инициирован монгольским завоеванием и сопровождался установлением политико-финансовой зависимости территории от Монгольской империи (позднее – Орды), возложившей на верхнеокское население новые материальные обязательства без отмены старых, хотя и обеспечившей относительно долгий период внешней безопасности. По всей видимости, все первые правители Верховских княжеств участвовали в получении ярлыков на правление непосредственно у правящего хана, что придало северочерниговским князьям особый статус и стало дополнительной правовой защитой их столов и земель. Передача главного черниговского стола – Брянска (а позднее и Карачева) – представителю смоленских Рюриковичей в такой ситуации рассматривалась как персональное действие и не привела к потере статуса и имущества остальными представителями черниговской династии. Старшинство в роду во второй половине XIV в. перешло к новосильским князьям и их потомкам. Начались процессы, в ходе которых бывшие вятичские земли постепенно стали приобретать всё большую степень политической самостоятельности.

Четвёртым этапом стал период нахождения Верхней Оки в зоне московско-литовского соперничества, парадоксальным образом приведшего к относительной политической и хозяйственной стабильности вследствие попыток обеих сторон теснее привязать местные княжества к себе путём предоставления различных льгот и привилегий. Традиционно длительное сохранение внутренней самостоятельности верхнеокскими землями обусловило консервацию практики применения архаичных управленческих практик, а также формирование целого ряда специфических особенностей их социально-

политического развития в течение всего периода XIV - XV вв., что позволило В.О. Ключевскому говорить о них как об уголке «...который исключительными условиями своей жизни даёт нам возможность догадываться, как бы устроились князья юго-западной Руси, если бы в те века они были предоставлены самим себе. ...Они продолжали политику своих давних предков, поддерживая падавшую родовую старину договорами...». Ряд подробностей борьбы между Московским и Литовским государствами весьма выпукло, чётко, остро и продолжительно проявился именно на верхнеокских землях, полное присоединение которых для каждой из сторон представлялось показателем крупного политического успеха.

В течение всех обозначенных периодов верхнеокские земли представляли собой относительно цельный историко-географический феномен, достаточно контрастно локализуемый внутри территории сначала Руси, а затем России. Полученные данные подтверждают существование прямой связи и преемственности между Землей вятичей, северочерниговскими волостями и Верховскими княжествами: популяционной основой волостей, а затем княжеств стали, в основном, потомки прежнего населения Земли вятичей, политической – правопреемство верховских князей относительно черниговского дома, транспортно-логистической – совокупность речных систем Верхней Оки и близлежащих территорий.

Состоявшееся в начале XVI в. вхождение территории Верховского исторического региона в состав Российского государства продемонстрировало эффективность политического курса, проводимого в тот период московскими князьями. После присоединения представители верховских княжеских династий заняли высокое место среди наиболее знатной части московской элиты, но, вследствие элитной «ротации» по территории всего Русского государства, большинство из них оторвалось от каналов связи с территорией прежних наследных владений. Присоединение всей верхнеокской территории к Московскому государству, использовавшему эти земли в качестве, прежде всего, дополнительного оборонительного барьера, привело к постепенному понижению безопасности и ухудшению материального уровня жизни региона. Окончательное вхождение в состав России Верховского исторического региона стало финальной точкой его существования как отдельного субъекта исторического развития.

Заявленная в теме настоящей работы проблема выявления исчезнувшего к настоящему времени Верхнеокского (Верховского) исторического региона России оказалась решена. Использование описанных в §3 Главы 1 оригинальных методик, основанных на применении широких и многочисленных междисциплинарных связей, позволило чётко локализовать и визуализировать отдельные, не всегда прямо связанные между собой, тенденции развития и изменения рассматриваемой территории в географическом, демографическом, культурном и политическом аспектах с учётом динамичных процессов хронологической эволюции, что может быть активно использовано при рассмотрении, изучении и анализе иных исторических земель и территорий.

Промежуточные результаты настоящей работы прошли апробацию и были обнародованы в ходе выступлений на кафедрах отечественной истории ряда вузов, публикациях монографий и научно-популярных работ, статьях в рецензируемых научных журналах, выступлениях на научных конференциях (в Казани, Воронеже, Брянске, Орле), выпуске курса видеолекций.

Основные результаты по теме диссертации изложены в следующих публикациях:

I. Монографии:

1. Майоров А.А. Русь Верховская. 2-е издание. Орел, Изд-во «Картуш», 2013. 230 с.
2. Майоров А.А. История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. 3-е издание. Орёл, издательство «Картуш», 2015. 376 с.

II. Статьи в журналах, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ»:

1. Майоров А.А. Призвание Вятко (к вопросу о создании вятичского племенного союза) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 101-105.
2. Майоров А.А. Верховская историко-географическая провинция и ее включение в состав Московского государства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 56-60.
3. Майоров А.А. Славянская колонизация территории Верховской историко-географической провинции // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5. С. 227-237.
4. Майоров А.А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX-XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 8-12.
5. Майоров А.А. Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII-XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 4. С. 8-13.
6. Майоров А.А. К вопросу локализации летописного Дедославля.// Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 21-24.
7. Майоров А.А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 71-77.
8. Майоров А.А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историкогеографической провинции в VII-VIII веках // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 55-62.

9. Майоров А.А. К вопросу периодизации истории Земли вятичей // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 28-32.
10. Майоров А.А. "Верховская историко-географическая провинция": территориальная локализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 2 (154). С. 67-75.
11. Майоров А.А. Территориальные группировки вятичей VIII-XII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 18-21.
12. Майоров А.А. Христианизация Верховской историко-географической провинции// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3 (76). С. 28-33.
13. Майоров А.А. Зарождение структур церковного администрирования на территории бассейна Верхней Оки в X - первой половине XIII в. // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 14-18.
14. Майоров А.А. К вопросу о западных культурных связях вятичей и радимичей// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4 (77). С. 19-21.
15. Майоров А.А. К вопросу о внешних факторах возникновения Верховской историко-географической провинции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 5-13.
16. Майоров А.А. Роль Золотой Орды в формировании структур управления на севере Черниговского княжества второй половины XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 1. С. 55-76. (Список Scopus, Web of Sciences).
17. Майоров А.А. Параллели в житийных сюжетах об Адальберте Пражском и некоторых древнерусских повествованиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 78-86.
18. Майоров А.А. К вопросу о Тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII-XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 1. С. 67-86. (Список Scopus, Web of Sciences).
19. Майоров А.А. Ордынский статус как значимый фактор политической конкуренции между русскими князьями // Вестник Брянского государственного университета. №4 (50) 2021: исторические науки и археология. С.73-79.

III. Статьи, опубликованные в других изданиях:

1. Майоров А.А. Битва при Молодях - вторая Куликовская // Орловский военный вестник. №9. 2013. С.31-37.
2. Майоров А.А. Вятичи: вопросы расселения, этногенеза, периодизации и политической истории // Исторический формат. 2018. № 1-2 (13-14). С. 16-58.

3. Майоров А.А. Особенности существования Верхнеокского исторического региона в качестве составной части Древней Руси // Общество и власть: история и современность. Материалы 13-й Региональной научной конференции. Воронеж: ВГУ, 2019. С. 12-21.
4. Майоров А.А. К вопросу о причинах исчезновения Тульского баскачества // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарica: Генезис и наследие государственности Золотой Орды». Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан, 2019. С. 217-219.
5. Майоров А.А. Влияние ордынского статуса князя Федора Ростиславовича на переход брянского стола к смоленским Рюриковичам // Studia internationalia: Материалы IX международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» (1-2 июля 2021 г.). Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2021. С.22-29. С. 22-29.

IV. Научно-популярные издания:

1. Майоров А.А. До Орла. Славянская история у окского истока. Орел: Изд-во «Картуш», 2012-13. 156 с. 2 издания.
2. Майоров А.А. Восставшие за правду. Орловская земля в начале XVII века. Орел: Изд-во «Картуш», 2013. 156 с.

